

18+

ПОКА СОЛНЦЕ НЕ ВСТРЕТИЛО ЛУНУ

ЗИННАТОВА ВИОЛЕТТА

Виолетта Зиннатова

Пока солнце не встретило луну

«Издательские решения»

Зиннатова В.

Пока солнце не встретило луну / В. Зиннатова — «Издательские решения»,

Марк никогда не жил в одном городе дольше двух лет. Он стал невидимым — и перестал верить, что у него есть дом. Пока однажды не получил: «Приезжай. Я буду ждать тебя». Он приехал и встретил Лию. Первую, кто его заметила. Но Лия умерла год назад. Её душа заперта в проклятом зеркале. Их встреча — не случайность. Чтобы разрушить зеркало, нужно отдать часть себя. И когда Марк поймёт цену, он должен будет выбрать: остаться прежним — или исчезнуть, чтобы спасти ту, что первой увидела его настоящего.

© Зиннатова В.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	17
ГЛАВА 4	23
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	38
ГЛАВА 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пока солнце не встретило луну

Виолетта Зиннатова

Иллюстратор Виолетта Зиннатова

© Виолетта Зиннатова, 2026

© Виолетта Зиннатова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-1795-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Дорогой читатель!

Ты держишь в руках книгу, которую я писала с большим трепетом и любовью. Честно говоря, я очень волновалась, когда придумывала эту историю. Потому что я хотела, чтобы она тебе понравилась. Чтобы ты прочитал её на одном дыхании и чтобы тебе было интересно. Чтобы ты переживал вместе с героями, смеялся и плакал, надеялся и верил.

Но главное — я хотела рассказать тебе о любви. О настоящей любви. О той, которая сильнее смерти. О той, которая преодолевает любые преграды. О той, которая не боится тьмы. О той, которая готова ждать. О той, которая готова бороться. О той, которая готова побеждать.

Знаешь, есть такая штука — любовь. Она бывает разной. Иногда ты встречаешь её в самых обычных местах: на улице, в школе, в парке. А иногда она приходит, когда ты совсем не ждёшь. Когда ты уже перестал верить. Когда ты думаешь, что останешься один навсегда. И тогда она появляется, как свет в конце тёмного коридора. Как надежда, которую ты почти потерял.

В этой книге ты встретишь Марка и Лию. Они такие же, как ты: они боятся, ошибаются, сомневаются. Но они никогда не сдаются. Они идут друг к другу через все преграды. Через страх. Через тьму. Через смерть. Они верят друг в друга. Они любят друг друга. И это самое важное.

Когда я писала эту историю, я часто вспоминала свои собственные чувства. Свою веру в любовь. Свою надежду на то, что она существует. Я хочу, чтобы и ты верил. В любовь. В чудеса. В себя. В то, что даже в самые тёмные времена есть свет. Есть тот, кто ждёт тебя. Есть тот, кто не оставит тебя.

А ещё я хочу, чтобы ты запомнил одну вещь: даже если кажется, что всё потеряно, что выхода нет, — выход всегда есть. Нужно только не сдаваться. И помнить, что рядом есть те, кто готов протянуть тебе руку. Те, кто готов идти с тобой до конца. Те, кто готов любить тебя несмотря ни на что.

В этой книге есть страшные моменты. Но я обещаю: они не будут слишком страшными. Потому что я знаю — ты смелый. Ты сможешь прочитать их и не испугаться. А если вдруг станет немножко жутковато — просто закрой глаза, глубоко вдохни и вспомни, что это всего лишь история. И она закончится хорошо. Всегда хорошо. Потому что я верю в добро. И в тебя.

Эта история — о том, что солнце всегда встречает луну. О том, что две половинки всегда находят друг друга. О том, что любовь сильнее всего.

Спасибо, что взял эту книгу в руки. Спасибо, что читаешь её. Значит, ты — часть нашей большой команды. Команды тех, кто ищет любовь, не боится трудностей и никогда не сдаётся. Команды тех, кто верит в чудеса.

Приятного чтения!

*С теплом и любовью,
Автор*

ГЛАВА 1

Марк никогда не жил в одном городе дольше двух лет.

Он родился в маленьком городке на севере, где зима длилась полгода, а снег лежал до апреля. Холод был единственным, что оставалось неизменным в его жизни. Он помнил, как выходил во двор и вдыхал морозный воздух, который обжигал лёгкие, как забирался на сугробы, которые были выше его роста. Холод был его спутником, его молчаливым другом, который никогда не предавал и не уходил.

Ему было пять, когда отец ушёл. Марк помнил его смутно — высокий силуэт в дверях, чемодан в руке, мамины слёзы. Тогда он ещё не понимал, что это навсегда. Что человек может взять и исчезнуть. Что любовь не удерживает, а обещания ничего не значат. Он помнил только, как стоял в коридоре и смотрел на закрывшуюся дверь, чувствуя, как что-то внутри него сжимается. Как будто часть его дома просто исчезла.

После ухода отца мама собрала вещи, и они переехали к бабушке. Бабушка жила в другом городе, в маленькой квартире с старым шкафом и кружевными салфетками. Марк помнил, как она пекла пироги, рассказывала сказки. Как пахло от неё теплом и покоем. Она была единственным человеком, который умел успокаивать его одним своим присутствием. Она не говорила много, но каждое её слово было важным.

Она умерла, когда ему было семь.

Мама нашла работу в соседнем городе. Снова переезд. Новая квартира. Новая школа. Марк пошёл в первый класс, но никого не запомнил — через год они уехали снова. В тот год он попытался завести друга — мальчика с рыжими волосами, который жил в соседнем подъезде. Они играли вместе, строили шалаши, делились секретами. А потом Марк уехал. И больше никогда не видел его. Он не помнил даже его имени.

Потом была ещё одна школа. И ещё. И ещё.

Каждый раз — новые лица. Новые учителя, которые смотрели на него с жалостью: «Опять новенький?» Новые одноклассники, у которых уже были компании. Они не хотели впускать чужака. Марк видел, как они смотрят на него — с настороженностью, с любопытством, с безразличием. Он быстро научился не ждать от них ничего хорошего. Было проще быть незаметным.

Он уставал привыкать к запаху новой комнаты, а через год забывать его. Уставал запоминать имена, которые через месяцы становились пустыми звуками. Уставал от обещаний «вернёмся», которые никто не выполнял. Мама часто говорила: «Это всего на год. Потом вернёмся». Но возвращаться было некуда. Дома не было. Была только очередная съёмная квартира, очередная школа, очередные одноклассники, которые забудут его имя через месяц после отъезда.

Марк перестал пробовать. Он научился сидеть на задней парте, не поднимать руку, не привлекать внимания. Когда ты никому не нужен, тебя не больно терять. А он уставал терять. Он устал от того, что каждый год нужно начинать всё сначала. Что у него нет прошлого, потому что прошлое постоянно ускользает, как песок сквозь пальцы.

К десяти годам он понял, что не помнит ни одного города, в котором жил. Только лица. Мелькающие, исчезающие, забывающиеся. Он перестал заводить друзей. Зачем? Через год он всё равно уедет. Через год они не вспомнят его имени. Он не хотел снова привязываться к кому-то, чтобы потом снова потерять. Каждая новая дружба — это была новая рана, которая заживала слишком долго.

К тринадцати он научился паковать чемодан за десять минут. Знал, как быстро привыкнуть к новой комнате, к новым запахам, к новым голосам за стеной. Он стал невидимым. Неза-

метным. Ничьим. Он мог исчезнуть из любого класса, и никто бы не заметил. Он был как призрак среди живых. И в этом было странное облегчение.

Марк перестал ждать писем, оставлять след и верить, что его кто-то запомнит. Он перестал верить в то, что у него может быть будущее, потому что у него не было прошлого. Каждый новый год стирал предыдущий, и он оставался пустым, как белый лист бумаги, на котором никто не хотел писать.

Мама говорила: «Это всего на год. Потом вернёмся». Но возвращаться было некуда. Дома не было. Была только очередная съёмная квартира, очередная школа, очередные одноклассники, которые забудут его имя через месяц после отъезда.

Он перестал ждать. Перестал надеяться. Он просто жил. Как растение, которое поливают, но не пересаживают. Оно растёт. Оно есть. Но у него нет корней. Марк чувствовал себя таким растением. Он рос, но не знал, куда движется. Он существовал, но не жил по-настоящему.

В пятнадцать он начал выкладывать посты в соцсетях. Не для кого-то. Просто чтобы оставить след. Доказать, что он существует. Что он не просто тень, которая исчезает, когда гаснет свет. Однажды он написал: «Надеюсь, однажды я найду место, где останусь навсегда». Он и не ждал. Просто хотел, чтобы его слова где-то остались. Как будто если они будут существовать в интернете, значит, он тоже существует.

Никто не ответил.

Он смотрел на пустой экран и чувствовал, как внутри разрастается привычная пустота. Он уже не удивлялся. Он не ждал чуда. Он просто жил дальше — день за днём, месяц за месяцем, город за городом. Школы менялись, лица становились другими, но он оставался всё тем же — невидимым мальчиком, который никому не нужен.

Через месяц мама пришла к нему на кухню, где он пил чай и читал книгу. Она выглядела взволнованной. Или уставшей. Он уже не различал. Её лицо было бледным, под глазами залегли тени, а голос звучал напряжённо, как будто она боялась сказать то, что собиралась.

— Марк, — сказала она. — Я хочу тебе кое-что сказать.

Он отложил книгу. Знал этот тон. Она всегда так начинала, когда хотела сообщить о новом переезде. Он слышал этот голос столько раз, что мог предсказать каждое слово, каждую паузу. Сначала — пауза, чтобы собраться с духом. Потом — слова «Я хочу тебе кое-что сказать». Потом — новость, которая перевернёт всё.

— Куда на этот раз? — спросил он спокойно. Он уже не злился. Не боялся. Просто ждал, когда это произойдёт.

— Европа. Элитная школа по обмену. Ты получишь международный диплом, сможешь поступить в любой университет. Это шанс.

Марк не ответил. Он просто смотрел на неё, и внутри медленно разрасталась пустота. Европа. Элитная школа. Шанс. Он слышал эти слова, но они не имели для него значения. Они были такими же пустыми, как и все обещания, которые он слышал раньше.

— Я не хочу, — сказал он.

— Я знаю. Но это хорошая возможность. Всего на год.

Он усмехнулся. «Всего на год». Она всегда так говорила. «Всего на год». А потом год превращался в два, в три, в бесконечность. Он перестал верить ей, когда ему было десять. Но она продолжала говорить одно и то же, как будто не слышала его.

— Ты никогда меня не слушаешь, — сказал он тихо. — Ты не слышишь, что я говорю. Я устал. Я хочу остановиться. Я хочу знать, что через год я не уеду. Что я смогу проснуться в одной комнате больше двух лет подряд. Что у меня будет не только будущее, но и прошлое. Я хочу знать, что я существую не просто как вещь, которую можно перевозить с места на место.

Мама молчала. Она смотрела на него, и в её глазах была боль. Потом сказала:

— Я люблю тебя. Я хочу, чтобы у тебя было будущее.

— Какое будущее, если у меня нет прошлого? — он поднял на неё глаза. — Ты знаешь, сколько школ я сменил? Я не помню, где жил в десять лет. Я не помню ни одного лица. Я нигде не был дома. Дом — это не просто стены, мама. Дом — это место, где тебя помнят. Где тебя ждут. Где ты оставляешь след. А у меня нет ни одного следа. Я как ветер — прохожу и исчезаю.

Мама подошла к нему и положила руку на плечо. Её пальцы были тёплыми, но он не чувствовал тепла.

— Здесь твой дом, — сказала она.

Марк покачал головой. Он смотрел на неё и чувствовал, как внутри всё затихает. Как будто он уходит в себя. Исчезает.

— Нет, — сказал он. — Здесь просто стены.

Он встал из-за стола и пошёл в свою комнату. Закрыв дверь. Лёг на кровать. Смотрел в потолок и чувствовал, как внутри всё затихает. Как будто он уходит в себя. Исчезает. Он лежал и думал о том, что его жизнь — это бесконечная дорога, которая никуда не ведёт. Что он никогда не найдёт место, где сможет остаться. Что он всегда будет один.

Он взял телефон. Открыл соцсети. Написал новый пост: «Подал заявку в Европу. Надеюсь, здесь я наконец найду то, что искал». Отметил школу. Прикрепил фото. Закрыв телефон. Он не знал, зачем это сделал. Может быть, ему просто хотелось, чтобы кто-нибудь увидел его. Увидел и понял, что он есть. Что он не просто пустое место.

Через три дня пришло сообщение. От незнакомой девушки. Профиль был без фото, без аватарки. Только имя. Лия.

«Привет. Я видела твой пост. Ты правда едешь в эту школу?»

Марк удивлённо уставился на экран. Никто никогда не отвечал на его посты. Он смотрел на сообщение и не верил своим глазам. Кто-то увидел его. Кто-то заметил. Это было так странно и так непривычно, что он не знал, что ответить.

«Да», — напечатал он. — «А ты?»

«Я учусь в этой школе. Точнее, училась. Теперь я просто здесь. Я видела твой пост. Хочу рассказать тебе о школе. Если хочешь».

Он не знал, почему отвечает. Может, от одиночества. Может, от любопытства. Может, просто потому, что она — единственная, кто обратил на него внимание за последние несколько лет. Он думал, что ему всё равно. Но когда он увидел это сообщение, что-то внутри него дрогнуло.

«Расскажи», — написал он.

И она стала рассказывать.

Она знала о школе всё. Описывала коридоры так, как будто видела их прямо сейчас. Знала, какая плитка на полу в главном холле, какой свет падает из окон во втором корпусе, какой запах у старой библиотеки. Она рассказывала о традициях, о странных историях, о том, как по ночам зеркало в холле начинает светиться. Она знала каждую деталь. Казалось, она была частью этой школы, её душой.

Они начали переписываться каждый день. Сначала — о школе. Потом — о жизни. О страхах. О том, как тяжело быть одному. Марк никогда не рассказывал никому о своих чувствах. Было некому. Или все некогда. Но ей он рассказал всё. Он рассказал о своём детстве, о переездах, о том, как чувствовал себя невидимым. Он рассказал о том, как боялся, что никто никогда его не запомнит. И она слушала.

Она стала его единственным другом. Единственным человеком, который знал его настоящего. Она никогда не осуждала его, не советовала быть сильнее. Она просто была рядом. Даже через экран, через километры, через время, она была рядом.

Она никогда не отправляла фото. На его просьбы отвечала: «Приедешь — увидишь. Увидишься».

Она знала, что он боится переездов. Она знала, что он ищет дом. И однажды написала:

«Приезжай. Здесь ты найдёшь дом. Я буду ждать тебя».

Марк перечитал это сообщение сто раз. Сердце билось быстрее, чем обычно. Он не знал, кто она на самом деле. Не знал, почему она выбрала именно его. Не знал, что она умерла год назад, что её душа заперта в проклятом зеркале, что она призрак. Он просто чувствовал, что его тянет к ней. К незнакомке по переписке. К той, кто увидела его и не отвернулась.

Через неделю он сказал маме:

— Я согласен. Я еду.

Мама облегчённо выдохнула. Она обняла его, и он почувствовал, как она дрожит. Наверное, она боялась, что он будет сопротивляться. Но он не сопротивлялся. Он хотел увидеть Лию. Хотел узнать, кто она на самом деле. Хотел найти то, чего искал всю жизнь.

А Марк написал Лии:

«Я еду. Жди меня».

Ответ пришёл через секунду:

«Я всегда ждала тебя. Скоро увидимся».

В день отъезда Марк стоял у порога своей комнаты и смотрел на пустые стены. Чемодан стоял у двери, внутри — вещи, которые он собирал за десять минут. Как всегда. Он посмотрел на комнату, которая была его домом всего год. Он не чувствовал привязанности. Только пустоту.

Он не знал, что ждёт его в Европе. Не знал, что увидит её в первый же день в школе. Не знал, что она не отразится в зеркале. Он просто взял чемодан и вышел из дома. Не обернулся. Потому что он больше не хотел оглядываться назад.

Впереди была новая школа. И Лия.

Она ждала его.

Марк не знал, кто она на самом деле. Он просто чувствовал, что его тянет к ней. Как к дому, которого у него никогда не было. Как к свету в конце тёмного коридора. Как к надежде, которую он почти потерял.

ГЛАВА 2

Самолёт шёл на посадку. Марк прижался лбом к холодному иллюминатору и смотрел, как за стеклом разворачивается чужая земля — зелёные поля, ленты рек, аккуратные домики, похожие на игрушечные. Всё было незнакомым. Слишком чистым. Слишком новым. Он смотрел на эту землю и чувствовал, как внутри разрастается привычная тревога. Каждый новый город начинался одинаково — с этого чувства. С ощущения, что он снова чужой, снова не на месте, снова потерян.

Он не хотел сюда лететь. Он вообще не хотел никуда лететь. Он хотел остановиться. Хотел проснуться в одном городе больше двух лет подряд. Но вместо этого он снова сидел в самолёте, смотрел на незнакомую землю и пытался убедить себя, что на этот раз всё будет по-другому.

Но в кармане лежал телефон с её последним сообщением, которое он перечитывал уже в сотый раз: «Я всегда ждала тебя». И каждый раз, когда он читал эти слова, в груди разливалось что-то тёплое. Странное. Незнакомое. Он не знал, как она выглядит. Не знал, кто она на самом деле. Но он знал одно: она не врёт. Она ждёт. Она единственная, кто когда-либо ждал его.

Лия. Девушка, которую он никогда не видел и не слышал. Которая знала о нём всё — его страхи, его сомнения, его мечты. Она появилась в его жизни случайно, как странный подарок, и осталась. За несколько месяцев до переезда она стала его единственным светом в бесконечной череде серых дней. Он не знал, как она выглядит, но он представлял её каждый вечер. Рыжие волосы, голубые глаза, веснушки. Он представлял, как она улыбается ему, как говорит с ним, как смеётся. Он представлял её голос, хотя ни разу не слышал его.

Самолёт коснулся земли. Лёгкий толчок пробежал по телу, и Марк почувствовал, как внутри всё сжимается. Он взял рюкзак и направился к выходу, чувствуя, как внутри разрастается тревога. Он не знал, что ждёт его здесь. Не знал, какой будет эта школа. Не знал, увидит ли он Лию. А если увидит — понравится ли она ему в реальности. Что, если она не такая, как он представлял? Что, если она не захочет с ним общаться? Что, если всё это было просто игрой?

Он вышел из самолёта и вдохнул чужой воздух. Он был тёплым, влажным, пах цементом и выхлопными газами. Вокруг говорили на незнакомом языке, и Марк чувствовал себя ещё более потерянным. Он прошёл через паспортный контроль, получил багаж и вышел в зал прилёта. В аэропорту было шумно, и он чувствовал себя маленьким в этом потоке незнакомых лиц.

В аэропорту его встретил пожилой мужчина с табличкой школы. Марк сел в машину, и они поехали по узким улочкам — мимо старых домов с черепичными крышами, мимо цветущих садов, мимо всего, что пахло чужой жизнью. Он смотрел в окно и думал о ней. О рыжих волосах, которых не видел. О голубых глазах, которых не знал. О её улыбке, которую он так хотел увидеть.

Машина остановилась у небольшого дома с зелёными ставнями. Дом выглядел старым, но ухоженным. Вокруг росли цветы — яркие, разноцветные, они качались на ветру, как будто приветствовали его. Марк удивлённо посмотрел на водителя.

— Это не школа, — сказал он.

— Семья, у которой вы будете жить. Программа по обмену. Вы живёте у родителей ученицы этой школы.

Марк вышел из машины и направился к дому. Сердце колотилось. Почему-то было страшно. Или волнующе. Он сам не знал. Он чувствовал, что пересекает какую-то границу. Что за этим порогом его жизнь изменится. Он не знал, как, но он чувствовал это.

Дверь открыла женщина с седыми волосами, уставшими глазами и тёплой улыбкой.

— Ты, наверное, Марк. Проходи.

Он переступил порог — и внутри его обнял запах дома. Дерево, цветы, что-то тёплое и забытое. На стенах висели фотографии, но он не вглядывался. Чужая семья. Чужие лица.

Не его жизнь. Но что-то в этом запахе было родным. Как будто он уже был здесь раньше. Как будто этот дом ждал его.

— Я покажу твою комнату.

Она повела его на второй этаж. Комната оказалась небольшой, но уютной. На стенах висели постеры, на полках теснились книги — много, очень много. На подушке лежала школьная форма: зелёная юбка, жилет, белая рубашка. Марк задержал на ней взгляд. Форма была чужой, но почему-то показалась знакомой. Как будто он видел её во сне.

— Это комната моей дочери, — сказала Анна. — Она...

Она замолчала, не в силах договорить. Марк не понял, но в сердце кольнуло. Он не спросил, где её дочь. Не решился. Что-то в её голосе, в её глазах сказало ему, что этот вопрос причинит боль. Он просто стоял и смотрел на неё, чувствуя её горе.

Женщина вышла, оставив его одного. Марк сел на край кровати и огляделся. Комната хранила чей-то след. Чей-то запах. Чью-то историю. Он чувствовал, что здесь кто-то жил. Кто-то, кто оставил свой след в этих стенах, в этих книгах, в этом воздухе. Кто-то, кто был важен для Анны.

Он заметил на столе блокнот. Взял его. Открыл наугад. На первой странице было написано аккуратным почерком: «Я хочу, чтобы меня кто-то запомнил».

Марк закрыл блокнот и убрал на место. Не желая вторгаться в чужую жизнь. Но эти слова застряли у него в голове. «Я хочу, чтобы меня кто-то запомнил». Он знал это чувство. Он чувствовал то же самое каждый день. Он хотел, чтобы его кто-то запомнил. Чтобы он не исчез бесследно, как все те города, в которых он жил.

Он не знал, что это комната Лии. Не знал, что она уже не вернётся сюда. Не знал, что в этой комнате она мечтала, писала, ждала. Ждала его — ещё до того, как он появился. Он просто сидел и чувствовал её присутствие. Как будто она была где-то рядом.

Он достал телефон и написал ей:

«Я приехал. Живу в какой-то семье. У них дочь учится в той же школе. Может, ты её знаешь?»

Ответа не было.

Он смотрел на экран и ждал. Минута, две, пять. Ничего. Он чувствовал, как внутри разрастается тревога. Что-то было не так. Она всегда отвечала сразу. Всегда. А сейчас — тишина.

За окном медленно темнело. В домах напротив зажигались огни, один за другим. Марк смотрел на них и чувствовал странное спокойствие. Как будто он был здесь раньше. Как будто эта комната знала его. Как будто она ждала его.

Он не знал, что она ждала его. Что это — её комната. Что её душа всё ещё здесь. Что она смотрит на него из каждого угла, из каждой тени. Но он чувствовал это. Он чувствовал её присутствие.

Утром Марк проснулся рано. На кухне Анна уже хлопотала у плиты. Запах свежего хлеба и чая наполнил дом. Он спустился вниз, чувствуя, как аромат окутывает его, как будто дом обнимал его.

— Как спалось? — спросила она, наливая ему чай.

— Отлично. Но ощущение странное. Как будто я тут уже бывал.

Она не ответила, только грустно улыбнулась. Через минуту сказала:

— Через час приедет машина. Отвезёт тебя в школу. Форма в шкафу.

— Хорошо. Спасибо.

Марк доел завтрак, поднялся в комнату и переоделся. Зелёная форма сидела идеально. Как будто шили на него. Он посмотрел на себя в зеркало и на мгновение ему показалось, что за спиной кто-то стоит. Он обернулся. Никого.

— Показалось, — прошептал он.

Когда он вышел на улицу, воздух пах дождём и утром. Подъехала машина. За рулём — всё тот же мужчина, который встречал его в аэропорту.

Марк сел на заднее сиденье. В окно он увидел, как Анна стоит на пороге и смотрит ему вслед. В её глазах была грусть. И надежда. Она смотрела на него так, как будто видела в нём кого-то другого. Кого-то, кто уже ушёл.

Он не знал, что она видит в нём ту, кого уже нет. Что она отпускает его в школу, где ждёт душа её дочери. Он не знал. Но он ехал.

* * *

Машина остановилась на парковке. Марк вышел и замер. Перед ним раскрылись высокие кованые ворота. Они были старыми, с искусной ковкой, завитки и узоры которой напоминали переплетённые ветви. Они выглядели так, как будто открывали путь в другой мир.

Впереди стояла школа. Массивное здание из серого камня с высокими окнами и остро-конечными башнями, уходящими вверх, в небо. По стенам вился плющ, закрывая некоторые окна, отчего здание казалось ещё более мрачным, зловещим и старым. Над входом висел герб с латинской надписью, которую Марк не смог прочитать. Он смотрел на это здание и чувствовал, как внутри разрастается странное волнение. Что-то было в этой школе необычное. Что-то, что он не мог объяснить.

Каменные ступени вели к массивной дубовой двери, украшенной резными узорами. Марк толкнул дверь. Она открылась беззвучно, и он вошёл внутрь.

Перед ним распахнулся коридор, ведущий в разные части здания. Холл был огромным. Высокие потолки, каменный пол, витражные окна, старинная люстра, свисающая на цепях и пропускающая солнечные лучи, которые создавали цветные блики на полу. Эти блики танцевали на каменных плитах, как разноцветные огни, и на мгновение Марку показалось, что он попал в другой мир. В мир, где всё возможно.

В центре холла он заметил массивное зеркало в позолоченной раме. Оно казалось древним: мутное стекло, тонкая трещина в верхнем углу. Он подошёл к нему и посмотрел на своё отражение. Тёмные волосы, зелёные глаза, уставший взгляд. В этом здании он чувствовал себя более чужим, чем в других местах, где ему приходилось бывать. Но одновременно он чувствовал, что оно зовёт его. Что оно ждёт его.

Он оглянулся. Холл был пустым, тихим. Только его собственные шаги нарушали тишину. Он достал телефон и написал:

«Я в школе. Ты где? Надеюсь увидеться перед занятиями».

Ответ не пришёл. Он убрал телефон и пошёл по коридору. Школа казалась огромной. Бесконечные картины висели на стенах, повсюду стояли статуи. Каждая дверь вела его в неизвестность. Марк чувствовал себя маленьким в этом лабиринте коридоров. Он чувствовал, что может заблудиться здесь навсегда.

Он прошёл по коридору и заметил кабинет, возле которого стояло несколько человек. Они выглядели растерянными — смотрели по сторонам, переглядывались. По их внешнему виду и растерянными лицам сразу становилось понятно, что они здесь впервые, такие же новенькие, как и он сам. Марк подошёл ближе. Один из них — парень с тёмными волосами и очками — повернулся к нему.

— Ты тоже на расписание? — спросил он с лёгким акцентом.

— Да, — ответил Марк. — Я не знаю, куда идти.

— Мы тоже, — усмехнулся парень. — Говорят, выдают в этом кабинете, но очередь какая-то странная.

Марк взглянул на дверь. Она была приоткрыта, и оттуда доносился женский голос. Он не понял ни слова.

— Ты откуда? — спросил парень, протягивая руку. — Я Давид. Из Испании.

— Марк. Из... — он запнулся. — Неважно. Просто приехал по обмену.

— А, так ты тоже по обмену! — обрадовался Давид. — Мы все тут по обмену. Хорошая компания.

Они перекинулись ещё парой фраз, пока дверь открылась и из кабинета вышла женщина с очками и строгим выражением лица. Она окинула взглядом группу новеньких.

— Кто на расписание? — спросила она.

Марк и ещё несколько человек шагнули вперёд. Женщина кивнула и пригласила их войти.

За столом сидела та же женщина. Она взглянула на него поверх очков.

— Твои документы, — сказала она сухо.

Марк протянул ей бумаги. Она быстро пробежала по ним глазами, затем взяла стопку листов.

— Расписание занятий, карта школы и пропуск, — перечислила она, протягивая ему всё это. — Не потеряй. И не опаздывай.

Марк кивнул и вышел из кабинета. Давид уже ждал его снаружи.

— Ну что? — спросил он. — Всё получил?

— Да. Теперь надо разобраться, куда идти.

— Давай вместе. У нас, наверное, одинаковые предметы.

Марк улыбнулся. Впервые за всё время он почувствовал что-то похожее на тепло. Пусть и от незнакомца. Он почувствовал, что не один. Что есть кто-то, кто идёт рядом с ним. Это было новое чувство, и он не знал, что с ним делать.

Они пошли по коридору, сверяясь с картами. Оказалось, что их кабинеты были в разных концах школы.

— Ну, удачи, — сказал Давид, пожимая ему руку. — Может, ещё увидимся.

— Увидимся, — ответил Марк.

Они разошлись в разные стороны. Марк шёл по коридору, рассматривая карту, пытаясь понять, где его класс. Вокруг было шумно — ученики спешили, смеялись, общались. Он остановился у стены, прислонился к ней и начал вглядываться в карту, чтобы найти нужный кабинет.

В этот момент его кто-то задел плечом. Он пошатнулся, но удержался. Обернувшись, он не увидел никого — только мелькнула чья-то спина в толпе.

— Извините, — пробормотал он, хотя никто уже не слушал.

Он пожал плечами, поправил рюкзак и направился в сторону кабинета.

* * *

Марк зашёл в класс и сел за парту у окна. Рядом с ним сел парень с добрыми глазами и лёгкой небрежностью в каждом движении.

— Ты новенький? — спросил он, протягивая руку.

— Да. Марк.

— Я Томас. Будут вопросы — обращайся.

Марк кивнул. Учитель начал урок. Монотонно, скучно, как и в других школах. Марк почти не слушал. Он смотрел в окно и думал о Лии. Где она? Почему не отвечает? Он представлял её лицо, её голос, её улыбку. Он так хотел увидеть её.

Через несколько минут он почувствовал, что на него кто-то смотрит. Повернул голову и замер.

На задней парте, через ряд от него, сидела девушка. Яркие рыжие локоны падали на плечи, голубые глаза смотрели прямо на него. Девушка улыбнулась. Марк ответил ей тем же и повернулся. «Просто ещё одна ученица», — подумал он.

Озарение пришло не сразу. Он не видел, как она вошла в кабинет. По спине пробежал холод. Он обернулся снова, чтобы убедиться. Девушка сидела всё там же. Слишком спокойная, внимательная. Неестественно. Её глаза смотрели прямо на него, и он чувствовал, как его сердце начинает биться быстрее.

В эту минуту учитель вызвал Марка к доске. Он вышел, отвечал, стараясь не смотреть в её сторону, но мысли всё равно были прикованы к ней. Он чувствовал, как она смотрит на него. Как она ждёт чего-то.

Когда Марк вернулся на место, учитель вызвал Томаса. После чего он увидел, что девушка уже сидит рядом с ним. Она сидела так близко, что он смог рассмотреть веснушки на её лице. Они были нежными, как рассыпанные по коже звёзды. Он мог разглядеть каждую, и это было так интимно, что у него перехватило дыхание.

Марк только было собрался что-то сказать, но девушка показала движением: ничего не говори. Томас вернулся на своё место, а девушка уже сидела на своём изначальном месте. Марк не успел опомниться.

— Ты чего задумался? — спросил его Томас, нахмурившись.

— Ты её тоже видишь? Рыжую девушку.

Марк показал на последнюю парту, но Томас никого не увидел.

— Там никого нет. С тобой всё в порядке?

Марк снова посмотрел на неё. Она сидела так же, уставившись на него. Сердце забилося чаще. Он достал телефон и написал:

«Тут происходит что-то странное. Недалеко сидит рыжая девушка с голубыми глазами. Томас говорит, что никого нет».

Телефон Лии завибрировал.

«Это я. Ждала, когда заметишь. Поговорим на перемене».

Марк вышел последним из класса. Вместе с Лией. Он чувствовал, как его руки дрожат. Как его сердце колотится. Как он боится того, что сейчас услышит.

— Ты Лия? — прошептал он.

Девушка кивнула в знак согласия.

— Я всегда была тут. Ждала, пока ты меня увидишь. Только ты на это способен.

Марк смотрел на неё и не мог оторвать взгляда. Девушка, с которой он так долго общался, оказалась красивой, настоящей. Но с одним нюансом. Она — призрак. Он видел, как свет проходит сквозь неё. Как она не касается пола. Как она парит над ним.

— Ты... — начал Марк, так и не сумев произнести это вслух.

— Да, я призрак. Я умерла год назад в этой школе. Ты не боишься меня?

Марк не знал, что сказать. Но не отводил от неё взгляда. Он смотрел на её рыжие локоны, голубые глаза и веснушки. Она была прекрасна. Она была той, кого он ждал. Той, кто увидела его, когда никто не замечал. Он не мог бояться её.

Он медленно покачал головой.

— Я не боюсь.

— Почему?

Он задумался. В голове крутились мысли, но одна из них была громче всех.

— Я не знаю, — сказал он честно. — Я просто чувствую, что не должен бояться.

Лия улыбнулась. В её улыбке было столько тепла, что он забыл о холоде, исходящем от неё.

— Ты странный.

— Я знаю.

Она шагнула ближе. Почти коснулась его руки, но остановилась. Марк чувствовал холод, исходящий от неё, и в этом холоде было что-то родное. Как будто она была его частью. Как будто они всегда знали друг друга.

— Но ты же знаешь, что я не просто так пришёл, — сказал он тихо.

Она подняла на него глаза.

— Знаю. Ты пришёл, чтобы найти дом. Я чувствовала это, когда писала тебе.

Марк кивнул. Слова застревали в горле, но он знал, что должен сказать это сейчас.

— Ты была права, — сказал он. — Я искал дом. И теперь я чувствую, что нашёл его. Здесь. С тобой.

Лия смотрела на него. Её глаза блестели.

— Тогда я должна тебе кое-что показать, — сказала она. — И рассказать. Пойдём.

Она повела его по коридорам, сворачивая в незнакомые переходы, минуя лестницы и старые двери. Марк шёл следом, не спрашивая куда. Ему казалось, что он всегда знал, что она приведёт его именно сюда. Она была как свет, который вёл его сквозь темноту.

Она остановилась у высокой дубовой двери в конце коридора. На двери висел старый замок, но Лия просто толкнула её — и та открылась беззвучно.

— Здесь никто не бывает, — сказала она. — Кроме меня.

Она вошла внутрь. Марк шагнул следом.

Это была библиотека. Огромная, старинная, с высокими стеллажами, уходящими вверх, к потолку. Свет падал из высоких окон, и в воздухе танцевали пылинки. Книги пахли временем, бумагой и тишиной. Он смотрел на это место и чувствовал, что оно хранит тайны. Много тайн.

Лия остановилась у окна. Солнечный свет проходил сквозь неё, делая почти прозрачной.

— Эта школа хранит тайну, — сказала она. — Тайну, из-за которой я умерла. И я не могу уйти, пока её не раскроют.

— Что за тайна? — спросил Марк.

Она повернулась к нему. В её глазах была боль, которую он не мог объяснить.

— Зеркало, — сказала она. — То, что в главном холле. Оно не простое. Оно проклято. Внутри заперты души. Злые духи, которые хотят вырваться. Я была хранительницей. Я сдерживала их. А потом меня убили.

— Кто?

Лия отвела взгляд. Голос стал тише.

— Тот, кому я доверяла. Мой лучший друг. Он хотел использовать зеркало для себя. Я попыталась остановить его — и он запер меня в нём.

Марк сжал кулаки. Внутри него закипала злость, которую он не мог сдержать.

— Я остановлю его.

— Нет, — она покачала головой. — Ты не должен. Он опасен. Я позвала тебя не для этого.

— А для чего?

Она подошла ближе и посмотрела ему в глаза.

— Я хотела, чтобы кто-то узнал правду. Чтобы кто-то запомнил меня. И чтобы тот, кто убил меня, ответил за это.

— Я помогу тебе, — сказал он.

Она улыбнулась. Впервые тепло, без грусти.

— Я знала, что ты придёшь. Я знала это всегда.

— Откуда?

— Ты написал: «Надеюсь, я найду то, что искал». Я сразу поняла — ты ищешь то же, что и я. Дом.

Она шагнула ещё ближе. Почти коснулась его руки, но остановилась.

— И теперь ты здесь.

— Я здесь, — сказал он.

Она улыбнулась шире.

— Тогда начнём.

ГЛАВА 3

Марк стоял в библиотеке и смотрел на неё. Лия была почти прозрачной в лучах закатного солнца, которые проникали сквозь высокие стрельчатые окна и окрашивали воздух в тёплые золотисто-оранжевые тона. Тысячи мельчайших пылинок танцевали в этих лучах, кружились в медленном, завораживающем танце, как маленькие звёзды, сошедшие с небес. В этом свете библиотека казалась не просто комнатой с книгами — она стала чем-то большим. Храмом знаний. Местом, где время застыло. Миром, в котором он оказался случайно и не хотел покидать.

Он смотрел на неё и не мог отвести взгляд. Она казалась одновременно реальной и нереальной. Как сон, который он боялся прервать. Как видение, которое могло исчезнуть в любой момент, раствориться в воздухе, оставив после себя только холод и пустоту. Он боялся моргнуть, боялся пошевелиться, боялся, что она растает, как утренний туман под лучами восходящего солнца, и он снова останется один. В этой бесконечной тишине. В этом огромном мире, где он всегда был один.

Она была прекрасна в своей призрачной красоте — рыжие волосы, которые светились в лучах заката, как огонь, переливались медными и золотыми оттенками, голубые глаза, в которых отражалось небо, веснушки, рассыпанные по её лицу, как золотые монетки. Каждая веснушка была как маленький секрет, который она хранила. Как обещание, которое она дала самой себе. Он хотел коснуться её лица, но знал, что не может. Его рука пройдёт сквозь неё, как сквозь туман. Она была здесь, но её не было. Она была рядом, но недостижима.

Вокруг них стояла тишина — та особенная тишина, которая бывает только в старых библиотеках. Тишина, наполненная дыханием книг, шелестом страниц, запахом старой бумаги и времени. Эта тишина была живой, она дышала, она ждала. Казалось, что даже книги затаили дыхание, слушая их разговор. Стеллажи уходили высоко вверх, к потолку, теряясь в полумраке, и Марку казалось, что они уходят в бесконечность, в другое измерение, где книги хранят не только слова, но и души тех, кто их когда-то читал.

— Что значит «начнём»? — спросил он тихо. Его голос звучал глухо в огромном зале, полном книг и тишины, как будто он говорил под водой. Он боялся, что его голос нарушит эту хрупкую магию, которая витала в воздухе, что она исчезнет, если он скажет слишком громко. Он почти шептал, как будто произносил молитву.

Лия медленно повернулась к окну, и он заметил, как её движения были плавными, почти невесомыми. За стеклом серело небо, постепенно теряя свои краски, переходя из золотого в фиолетовый, из фиолетового в глубокий синий. Первый вечерний ветер шевелил ветви старых деревьев за окном, и они скребли по стеклу, как пальцы, пытающиеся войти. Её рыжие волосы колыхнулись, хотя в комнате не было ветра. Они двигались сами по себе, как живые, как огонь, который танцует без причины. Марк заметил это и снова вспомнил, что она — не человек. Она была чем-то другим. Чем-то, что он не мог объяснить. Чем-то, что было за гранью его понимания. Чем-то, что существовало между мирами.

— Я должна рассказать тебе всё с самого начала, — сказала она, не оборачиваясь. Её голос был тихим, но в нём слышалась сталь. Он чувствовал, как каждое её слово проникает в его душу. — Только тогда ты сможешь понять, что здесь происходит. И что тебе предстоит сделать. Ты должен знать правду, какой бы страшной она ни была. Ты должен быть готов к тому, что узнаешь. Потому что после этого пути назад не будет.

Она замолчала. Марк терпеливо ждал, чувствуя, как внутри нарастает напряжение, как сердце начинает биться быстрее. Он чувствовал, что сейчас услышит что-то, что изменит его жизнь навсегда. Что-то, что перевернёт всё, что он знал о мире, о себе, о своей судьбе. Он боялся этого, но он также хотел знать. Он хотел понять, почему она выбрала именно его.

Почему он может видеть её, когда никто другой не может. Почему он чувствует, что она — его судьба.

— Год назад я была живой, — начала она. Её голос был тихим, но в нём слышалась сталь, которая не позволяла сомневаться в правдивости её слов. — У меня были друзья, мечты, планы. Я любила эту школу. Она казалась мне второй семьёй. Я чувствовала себя здесь нужной. Я чувствовала себя здесь дома. Здесь я была собой. Здесь я была счастлива. Но у этой школы была тёмная сторона, которую никто не замечал. Сторона, о которой никто не говорил. Сторона, которую я нашла случайно. Сторона, которая стала моим проклятием.

Она повернулась к нему, и он увидел, как в её глазах отражается закат. На мгновение ему показалось, что в них горят огни — тёплые, золотые, как само солнце. Но в глубине этих огней он увидел что-то другое. Боль. Потерю. Трагедию, которую она пережила и которая навсегда изменила её.

— Зеркало в холле, — продолжила она. — Оно не всегда было таким, как сейчас. Когда-то это был просто артефакт, который хранил память о прошлом. Оно висело в холле уже много лет, и никто не обращал на него внимания. Оно было просто частью интерьера, старым предметом, который никто не замечал. Но потом кто-то использовал его для тёмных ритуалов. Кто-то, кто знал, что он хранит в себе силу. Он открыл портал между мирами. И души умерших учеников оказались заперты внутри. С тех пор зеркало стало тюрьмой для тех, кто не смог уйти. Тюрьмой, которая не имеет ключей.

— Кто это сделал? — спросил Марк, хотя уже догадывался, что ответ будет не простым. Он чувствовал, что это был кто-то, кто когда-то был частью этой школы. Кто-то, кто хотел большего, чем могла дать обычная жизнь. Кто-то, кто был готов заплатить любую цену за свою мечту.

— Ученик, который учился здесь сто лет назад, — ответила Лия, и её голос стал ещё тише. — Его звали Элиас. Он был гением. Он был одержим идеей бессмертия. Он хотел жить вечно. Он хотел обрести власть над жизнью и смертью. Он хотел стать больше, чем человек. Он искал способ, который позволил бы ему никогда не умирать, никогда не стареть, никогда не терять тех, кого он любил. И он нашёл его — в этом зеркале. Он не добился своего, но его попытка оставила трещину в стекле. Ту самую, которую ты видел. Она была как рана, которая не заживает. Как открытая дверь, через которую зло может войти в наш мир. Как шрам на душе этой школы.

Лия подошла ближе. Её голос стал тише, но в нём появилась сталь. Холод исходил от неё, но он не отступил. Он смотрел на неё и чувствовал, как его сердце бьётся в унисон с её голосом.

— Я узнала об этом случайно, — сказала она. — Ночью, когда осталась в библиотеке готовиться к экзамену по истории. Было поздно, все уже ушли. Все, кроме меня. Я сидела здесь, читала учебник, пыталась запомнить даты и события, которые казались мне такими далёкими. И вдруг я услышала шёпот. Он доносился из холла. Тихо, едва слышно, как шелест листьев на ветру. Я подумала, что мне показалось. Что это просто ветер или скрип половиц. Но потом шёпот стал громче. Он звал меня по имени. Он говорил: «Лия, иди к нам. Мы ждём тебя». Я не могла понять, откуда он идёт. Я пошла туда и увидела, как зеркало светится. Как тени внутри него шевелятся. Как будто они просили меня о помощи. Как будто они хотели, чтобы я освободила их. Как будто они были живыми.

Она опустила взгляд. Её голос дрогнул, и он увидел, как слёзы собираются в её глазах — прозрачные, почти невесомые, не принадлежащие этому миру.

— Я думала, что могу помочь им, — сказала она. — Думала, что они просто запертые души, которые хотят покоя. Я была такой наивной. Я не знала, что некоторые из них — злые. Что они хотят не покоя, а свободы. Чтобы вырваться и занять место живых. Они были голодны. Они хотели жить. Они хотели дышать. Они хотели чувствовать. И они не заботились о том, кого для этого нужно уничтожить. Я поняла это слишком поздно. Когда уже было не остановить их.

Она подняла глаза и посмотрела на него. В них была боль, которую он не мог объяснить. Боль, которая не уходила даже после смерти.

— Я поняла, что кто-то открывает зеркало снова, — сказала она. — Что магия, которая держала его закрытым, слабеет. Что граница между мирами становится тоньше. И тогда я решила защитить школу. Я не могла позволить злу вырваться наружу. Не могла позволить ему причинить вред тем, кого я любила. Я не могла позволить ему уничтожить всё, что было мне дорого.

— Ты стала хранительницей, — сказал Марк. Это было не вопросом. Он уже знал ответ. Он чувствовал это.

— Да, — кивнула она. — Я научилась закрывать портал. Сдерживать злых духов. Я изучала древние тексты, ритуалы, символы. Я проводила ночи в библиотеке, читая книги, которые никто не открывал десятилетиями. Я научилась видеть то, что другие не видели. Я научилась чувствовать магию. Я думала, что справлюсь. — её голос стал тише, почти шёпотом, и он услышал в нём горечь. — Но я ошиблась. Я переоценила свои силы. Я не знала, что враг сильнее меня. Что он умнее меня. Что он был готов на всё.

— Что случилось? — спросил Марк, чувствуя, как внутри всё сжимается. Он боялся ответа, но он должен был знать. Он должен был понять, что произошло.

Лия отвела взгляд. Она смотрела на закат, но её глаза были пустыми, как будто она видела что-то другое. Что-то, что произошло в прошлом. Что-то, что она не могла забыть.

— Джейкоб, — сказала она, и это имя прозвучало как проклятие. — Мой лучший друг. Мы росли вместе, делились секретами, мечтами. Я доверяла ему больше, чем кому-либо. Он знал меня лучше, чем я сама. Он был моей опорой. Моим плечом. Моим братом. Он узнал о зеркале и решил использовать его для себя. Он думал, что сможет контролировать духов. Вселять их в людей и управлять ими. Он хотел власти. Он хотел стать тем, кто решает, кому жить, а кому умереть. Он хотел быть богом. Я пыталась остановить его. Я пришла к нему в тот вечер и сказала: «Ты не понимаешь, что делаешь. Это убьёт нас всех. Ты играешь с силами, которые не можешь контролировать. Ты разрушишь не только свою жизнь, но и жизни всех, кто тебе дорог». Но он не слушал. Он был слеп. Он был глух. Он был одержим своей мечтой.

— И он убил тебя, — закончил за неё Марк. Его голос был тихим, но в нём слышалась ярость. Глухая, холодная, почти животная.

Она кивнула. В её глазах блеснули слёзы — прозрачные, почти невесомые, которые не падали на пол, а растворялись в воздухе. Они были как утренняя роса на паутине — красивые и хрупкие. Они исчезали, едва появившись.

— Он запер меня в зеркале, — сказала она. — Я умерла. Но моя душа осталась здесь. Я не могу уйти, пока зеркало не будет разрушено. Пока его магия не исчезнет. Я привязана к этому месту, к этому проклятию, к этому зеркалу. Я не могу освободиться. Я не могу уйти. Я не могу покинуть эту школу.

Марк молчал. Он смотрел на неё и чувствовал, как в груди поднимается злость. Глухая, холодная, неконтролируемая. Она захлёстывала его, как волна. Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя маленькие полумесяцы на коже. Он не знал Джейкоба, не видел его, но уже ненавидел всей душой. Ненавидел за то, что он отнял у неё жизнь. За то, что он отнял у неё будущее. За то, что он сделал её призраком. За то, что он заставил её страдать.

— Как его разрушить? — спросил он. Голос звучал твёрже, чем он ожидал. В нём была сталь, которой он не знал в себе. Сталь, которая родилась из любви и ненависти одновременно.

Лия посмотрела на него с надеждой — той, которую он видел в глазах людей, потерявших всё и внезапно обретших шанс. Её глаза засветились, как будто он сказал то, что она хотела услышать. Как будто он дал ей надежду.

— Есть способ, — сказала она. — В полнолуние, когда магия достигает пика, нужно разбить зеркало старым кинжалом, который хранится в подвале школы. Этот кинжал был создан

специально для этого. Элиас выковал его из металла, который может уничтожить магию. Он знал, что однажды кто-то должен будет остановить то, что он начал. Он оставил кинжал, чтобы кто-то другой мог исправить его ошибку. Но сделать это может только тот, кто связан с миром мёртвых. Кто видит то, чего не видят другие. Кто может переступить грань между жизнью и смертью. Кто готов пожертвовать собой.

— Я вижу тебя, — сказал Марк. — Я вижу то, чего не видят другие. Значит, я могу это сделать. Я могу разбить зеркало. Я могу освободить тебя. Я готов.

— Именно поэтому ты можешь это сделать, — сказала она. — Ты единственный, кто сможет разбить зеркало и освободить всех нас. И меня тоже. — она шагнула к нему почти вплотную. Холод от неё был таким сильным, что он почувствовал его даже через одежду. Он проникал под кожу, добирался до костей, замораживал кровь, но Марк не отступил. Он смотрел на неё и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. — Я не знаю, почему ты можешь меня видеть. Но это не случайно. Ты здесь не просто так, Марк. Ты пришёл не только потому, что я позвала. Ты пришёл, потому что ты — тот, кто должен это сделать. Ты — тот, кто сможет меня спасти. Это твоя судьба. Это твоё предназначение. Ты должен понять это.

Он смотрел на неё, и ему казалось, что время остановилось. Вокруг них стояла тишина, и она проникала в самое сердце. В этом не было страха, только странное спокойствие. Он чувствовал, что она говорит правду. Что он действительно должен это сделать. Что он не может отказаться. Что он не хочет отказываться.

— Я сделаю это, — сказал он. — Я сделаю всё, что нужно. Только скажи, что я должен делать. Я готов. Я не боюсь. Я сделаю это ради тебя.

— Найти кинжал, — сказала она. — Он в подвале, в старом сундуке, который никто не открывал много лет. Я покажу тебе путь. Но ты должен быть осторожен. В подвале могут быть одержимые — те, в ком живут злые духи. Джейкоб контролирует их. Они не дадут тебе пройти. Они будут пытаться остановить тебя. Они будут пытаться убить тебя. Ты должен быть готов к этому. Ты должен быть сильным.

Марк сглотнул. Сердце забило быстрее, но он не отступил. Он чувствовал, как страх смешивается с решимостью. Как внутри него просыпается что-то новое. Что-то, что он не знал в себе. Что-то, что делало его сильнее.

— Я справлюсь, — сказал он. — Я обещаю тебе. Я не позволю им остановить меня.

Она посмотрела на него с теплотой, которая не имела ничего общего с холодом, исходящим от неё. Она смотрела на него так, как будто он был самым важным человеком в её жизни. Единственным, кто мог её спасти.

— Я знаю, — сказала она. — Я буду с тобой. Даже если ты меня не видишь, я буду рядом. Просто верь в это. Верь в то, что я рядом. Верь в то, что мы справимся. Верь в то, что любовь сильнее смерти.

Она помолчала, а потом спросила, и её голос был тихим, почти неслышным:

— Почему ты соглашаешься? Я ведь призрак. Я мертва. У меня нет тела, нет будущего, нет жизни. Ты мог бы просто уйти. Никто бы не узнал. Ты мог бы забыть обо всём этом и жить своей жизнью. Почему ты рискуешь? Почему ты хочешь помочь мне?

Марк задумался. Вопрос застал его врасплох, но ответ пришёл сам собой. Он был честным. Он был настоящим. Он шёл из глубины его души.

— Потому что ты первая, кто сказал мне, что я не один, — ответил он. — Ты первая, кто ждал меня. И единственная, кто видит во мне того, кем я хочу быть, а не того, кем я стал. Я никому не был нужен всю свою жизнь. Я был невидимым. Я исчезал, и никто не замечал. Я переезжал из города в город, и никто не запоминал моё имя. Но ты заметила. Ты увидела меня. Ты дала мне надежду. Ты дала мне цель. Я не могу просто уйти. Я не могу оставить тебя здесь. Я не хочу тебя терять. Я хочу быть с тобой.

Она молчала долго. Слезы текли по её щекам, и она не пыталась их скрыть. Они были как роса на лепестках цветка. Она не плакала — она просто позволяла им течь.

— Ты глупый, — прошептала она. — Ты влюбляешься в призрака. Ты рискуешь жизнью ради мёртвой девушки. Ты вообще понимаешь, что делаешь?

Марк шагнул ближе. Он знал, что не может коснуться её. Но ему казалось, что если он сделает шаг, разрыв между ними станет меньше. Что он сможет преодолеть эту грань, разделяющую жизнь и смерть.

— Это неважно, — сказал он. — Ты здесь. И я тоже. И это единственное, что имеет значение. Ты — единственное, что имеет значение. Всё остальное — просто шум. Просто пустота. Ты дала мне смысл. Ты дала мне надежду. Я не могу потерять это.

Она подошла к нему почти вплотную. На мгновение ему показалось, что она коснулась его руки — лёгким холодом, почти невесомым. Но он был готов поклясться, что почувствовал тепло. Он почувствовал, что она жива. Что она есть. Что она рядом.

— Тогда идём, — сказала она, и в её голосе появилась решимость. — Я покажу тебе путь. Время не ждёт. Полнолуние скоро. Нам нужно успеть.

Она развернулась и направилась к двери. Марк последовал за ней. Они вышли в коридор, где уже почти стемнело. За окнами небо окрасилось в фиолетовый цвет, и на небе зажигались первые звёзды. Лия вела его через старую часть школы — ту, куда никто не ходил. Здесь пахло камнем и сыростью. Здесь было тихо. Здесь было пусто. Стены были грубее, окна уже, свет падал на каменный пол косыми полосами. Вокруг было тихо, лишь их шаги отдавались эхом. Этот коридор был как путешествие во времени. В другое измерение. В другую реальность.

— Почему ты не сказала мне раньше? — спросил Марк, когда они остановились перед старой деревянной дверью. — Ты могла просто написать: «Я мертва». Я бы понял. Я бы не испугался.

Лия обернулась. Свет из окна освещал её лицо, и она снова казалась живой. Её кожа была бледной, но глаза горели.

— Я боялась, — призналась она. — Боялась, что ты испугаешься и не приедешь. Что я останусь одна. Опять. Что ты отвернёшься от меня, как все остальные. Что ты не захочешь иметь дело с призраком. Что ты уйдёшь, как все. Я боялась потерять тебя, даже не успев встретиться.

— Но я приехал.

— Я знаю. Теперь я знаю. — она посмотрела ему прямо в глаза. — Ты настоящий. Тебе можно верить. Ты не боишься правды. Ты не боишься меня. Ты не боишься того, что я стала.

Они стояли у старой двери, ведущей в подвал. Лия указала на неё. Дверь была массивной, с коваными петлями, покрытыми ржавчиной. Она выглядела так, как будто её не открывали десятилетиями. Как будто она вела в другой мир.

— Там, — сказала она. — За этой дверью — подвал. В сундуке лежит кинжал. Но будь осторожен. Там могут быть одержимые. Джейкоб контролирует их. Они ждут тебя. Они знают, что ты придёшь. Они чувствуют тебя.

Марк кивнул. Глаза привыкали к полумраку. Он чувствовал, как его сердце колотится в груди, но он не отступал. Он смотрел на эту дверь и знал, что должен войти.

— Я справлюсь, — сказал он. — Я не боюсь их.

Лия смотрела на него с тревогой и теплотой одновременно. Она верила в него. Она знала, что он сможет.

— Я буду с тобой, — сказала она. — Даже если ты меня не видишь, я буду рядом. Я буду защищать тебя. Я не дам им причинить тебе вред. Клянусь.

Он протянул руку к двери. Замер. Обернулся к ней. Он должен был сказать ей это сейчас. Он должен был сказать ей, что чувствует.

— Завтра полнолуние, — сказал он. — Ты говорила. Я должен прийти ночью к зеркалу. Один. Я должен сделать это сам.

— Да. Только тогда ты сможешь увидеть правду. Увидеть, что скрыто за стеклом. Увидеть, что находится внутри зеркала.

Марк шагнул к ней. Она была так близко, что он чувствовал исходящий от неё холод. Но он не отступил. Он смотрел ей в глаза и видел в них отражение своей собственной души. Он видел в них себя.

— Я приду, — сказал он. — Я обещаю. Я не подведу тебя. Я сделаю всё, что нужно.

Она улыбнулась. В её глазах блеснул свет — тёплый, живой, настоящий. Он согревал её призрачное лицо, делая её почти живой. На мгновение она стала настоящей.

— Я знаю, — сказала она. — Ты всегда приходишь. Ты всегда был тем, кто придёт.

Она сделала шаг назад и начала таять в тенях. Её силуэт становился всё прозрачнее, исчезая в полумраке. Она уходила, но он знал, что она вернётся.

— До завтра, Марк.

— До завтра, Лия, — ответил он, чувствуя, как стучало сердце.

Она исчезла. А он остался стоять перед старой дверью в подвал, чувствуя, что его жизнь больше никогда не будет прежней. Он стоял и смотрел на эту дверь, и внутри него горел огонь. Огонь надежды. Огонь любви. Огонь решимости. Он знал, что завтра всё изменится. Что завтра он сделает то, что должен. И он был готов.

ГЛАВА 4

Марк проснулся от того, что кто-то смотрел на него.

Он открыл глаза и увидел Лию. Она сидела на краю его кровати — полупрозрачная, почти невесомая, но её глаза были живыми. Они смотрели на него с той же теплотой, с которой она писала ему сообщения, — как будто он был самым важным человеком в её мире. Или в её смерти. В её глазах было столько света, столько жизни, что на мгновение он забыл, что она — призрак. Он забыл, что она мертва. Он видел только её. Только её улыбку. Только её глаза. Только её душу.

— Ты не спишь, — сказал он хрипло. Его голос был сонным, но он уже чувствовал, как внутри разливается тепло. Она была здесь. С ним. Рядом.

— Я не сплю уже год, — ответила она, и в её голосе была лёгкая грусть. — Но я могу смотреть на тебя. Это почти как сон. Ты — мой сон. Мой самый красивый сон. Я боюсь, что проснусь и ты исчезнешь.

Марк сел, потирая глаза. За окном ещё было темно, только первые серые лучи пробивались сквозь шторы, окрашивая комнату в серебристые тона. В этом свете Лия казалась ещё более хрупкой. Почти прозрачной. Почти исчезающей. Как утренний туман, который растворяется в лучах восходящего солнца.

— Который час? — спросил он, пытаясь сфокусировать взгляд.

— Раннее утро. Ты должен идти в школу, — она улыбнулась той улыбкой, которая делала её почти живой. — Как обычно. Как всегда. Как каждый день, который ты проводишь здесь.

Он встал, потянулся и посмотрел на неё. В утреннем сумраке она казалась ещё более хрупкой. Почти исчезающей. Как будто она могла раствориться в любой момент, оставив после себя только холод и пустоту.

— Ты всегда здесь? — спросил он. — В этой комнате? Ты всегда рядом со мной?

— Я всегда там, где ты, — сказала она просто. — Но только в школе. Помнишь правило? Только в стенах школы. Только здесь, в этом здании. В этом месте, которое стало моей тюрьмой и моим домом одновременно.

— Только в стенах, — повторил он. — За воротами я исчезаю. Как будто меня никогда не было. Как будто я — просто часть этого здания. Его душа. Его тайна.

— Да. За воротами я исчезаю. Как будто меня никогда не было.

Марк подошёл к окну. Во дворе Анна поливала цветы. Она выглядела спокойной, но он знал, что это только внешность. Внутри — боль, которую не скрыть. Глубокая, бесконечная, как океан. Он видел это в её глазах, в её движениях, в том, как она держала лейку — пальцы побелели от напряжения.

— Твоя мама знает, — сказал он. — Она сказала мне вчера. Она видела тебя. Она знает, что ты здесь. Она чувствует тебя.

Лия молчала. Её лицо стало грустным. В нём появилась та же боль, которую он видел у Анны. Та же потеря. Та же надежда.

— Я знаю, — сказала она тихо. — Я приходила к ней после смерти. Мне было так страшно, Марк. Я не понимала, что происходит. Я не знала, что я умерла. Я не знала, что я стала призраком. Я просто хотела, чтобы она знала, что я не ушла совсем. Что я всё ещё здесь. Что я всё ещё рядом. Что я люблю её.

— Она любит тебя, — сказал Марк. Он чувствовал, как его голос дрожит. — Она никогда не переставала любить тебя.

— Я знаю. И я люблю её. Поэтому я не могу сказать ей правду. — Лия отвела взгляд. — Она знает, что я умерла. Но она не знает, как. Она не знает, что Джейкоб убил меня. Она не

знает, что я заперта в зеркале. Если она узнает, что Джейкоб убил меня... она не переживёт этого. Она не сможет с этим жить.

Марк сжал кулаки. Опять Джейкоб. Каждое упоминание этого имени вызывало в нём глухую ярость, которая разрасталась внутри, как пожар. Он сжимал кулаки так, что ногти впились в ладони, оставляя маленькие полумесяцы на коже. Он ненавидел это имя. Он ненавидел человека, который его носил. Он ненавидел его за то, что он отнял у Лии жизнь. За то, что он отнял у Анны дочь. За то, что он разрушил их семью.

— Я найду его, — сказал он. — Я заставлю его ответить. Я сделаю так, чтобы он заплатил за всё, что он сделал. Я не позволю ему уйти от наказания.

Лия покачала головой. Её лицо было серьёзным, почти строгим.

— Не сейчас. Ты должен понять, с кем имеешь дело. Джейкоб — не просто ученик. Он не просто убийца. Он — одержимый. Он — тот, кто отдал свою душу тьме. И он сильнее, чем ты думаешь. Он умнее, чем ты думаешь. Он хитрее, чем ты думаешь.

— Я не боюсь, — сказал он, и в его голосе была сталь. Он не боялся Джейкоба. Он боялся только одного — что не успеет спасти Лию.

— Я знаю, — сказала она. — Поэтому я боюсь за тебя. Ты не боишься, и это делает тебя уязвимым. Ты не думаешь о последствиях. Ты не думаешь о том, что может случиться. Ты просто идёшь вперёд, не оглядываясь. И это пугает меня.

Она подошла ближе. Почти коснулась его руки, но остановилась. Холод исходил от неё, но в этом холоде было что-то родное. Что-то, что он не мог объяснить. Что-то, что связывало их.

— Сегодня я покажу тебе школу, — сказала она. — Настоящую школу. Не ту, которую видят все. А ту, которая скрыта. Ту, которая хранит тайны. Ту, которая знает всё.

* * *

В школе было шумно. Ученики сновали по коридорам, смеялись, обсуждали уроки, спорили о том, что будет на контрольной, делились секретами и сплетнями. Марк шёл среди них, но чувствовал себя чужим. Как будто он был призраком, а не они. Он был здесь, но он не принадлежал этому миру. Он был частью чего-то другого. Частью её мира.

Лия шла рядом. Никто её не видел. Она проходила сквозь учеников, и они даже не вздрагивали. Только иногда кто-то поворачивал голову, как будто чувствовал холод. Но не видел. Она была невидимой для них. Невидимой для всех, кроме него.

— Куда мы идём? — спросил Марк шёпотом, чтобы никто не услышал. Он не хотел, чтобы кто-то подумал, что он говорит сам с собой. Не хотел, чтобы его считали сумасшедшим.

— В библиотеку, — ответила она. — Но не в ту, что знают все. В старую. Там хранятся тайны. Там хранятся ответы на вопросы, которые ты даже не знал, как задать.

Она вела его через лабиринт коридоров, мимо классов, мимо кабинетов. С каждым шагом становилось тише. Учеников становилось меньше. Стены — старше. Воздух становился холоднее и влажнее. В нём чувствовалось что-то древнее. Что-то, что ждало их.

— Почему здесь так пусто? — спросил Марк, оглядываясь по сторонам. Здесь было тихо. Слишком тихо. Как в заброшенном здании.

— Потому что эту часть школы забыли, — ответила Лия. — После того, как я умерла, администрация закрыла крыло. Сказали, что оно опасно. Но на самом деле они просто боялись. Боялись того, что там скрыто. Боялись правды. Боялись того, что может случиться, если они откроют эту дверь.

Они остановились у высокой дубовой двери. Она была массивной, с коваными петлями, покрытыми патиной времени. На ней висел старый замок, но Лия просто толкнула её — и та открылась беззвучно, как будто ждала их.

— Здесь никто не бывает, — сказала она. — Кроме меня.

Она вошла внутрь. Марк шагнул следом.

Это была библиотека. Но не такая, как в главном здании. Она была старше. Гораздо старше. Воздух здесь был густым от времени. Он пах пылью, старыми страницами, кожей переплётов и чем-то ещё — чем-то, что он не мог определить. Может быть, магией. Может быть, памятью. Может быть, теми, кто когда-то здесь был.

Стеллажи уходили к потолку, теряясь в полумраке. Книги стояли так плотно, что, казалось, они держали стены. Свет падал из узких окон, окрашивая воздух в золотистый цвет. Пыль танцевала в лучах, и в этом танце было что-то завораживающее. Что-то гипнотическое. Что-то, что заставляло забыть о времени.

— Это... невероятно, — прошептал Марк. Он стоял и смотрел на это место, чувствуя, как его сердце бьётся быстрее. — Я никогда не видел ничего подобного.

— Я приходила сюда, когда хотела спрятаться, — сказала Лия. — Здесь тихо. Здесь никто не найдёт тебя. Здесь я чувствовала себя живой. Здесь я могла быть собой. Здесь я могла мечтать.

Она провела его между стеллажами. Её рука проходила сквозь книги, но она всё равно указывала ему путь, как будто касалась их. Она была здесь, но её не было. Она была частью этого места.

— Смотри, — она остановилась у одного из стеллажей. — Это дневник ученика, который учился здесь сто лет назад.

Марк посмотрел на книгу. Она была старой, кожаной, с пожелтевшими страницами. На корешке виднелись символы, которые он не мог прочитать. Они были странными, как будто принадлежали другому миру.

— Кто он был? — спросил он.

— Его звали Элиас, — ответила Лия. — Он был одержим идеей бессмертия. Он нашёл способ открыть портал в мир мёртвых. Используя зеркало. — Лия замолчала. — Он создал ритуал. Тот самый, который Джейкоб нашёл и использовал. Он создал проклятие, которое теперь держит нас всех в плену.

— Он тоже хотел власти? — спросил Марк. Он чувствовал, как внутри растёт холод. Он боялся ответа, но он должен был знать.

— Нет, — сказала Лия. — Он хотел любви. — Лия посмотрела на Марка, и в её глазах была глубокая печаль. — Он любил девушку, которая умерла. Она была его невестой. Она заболела и умерла в этой школе. Он не мог смириться с потерей. Он хотел вернуть её. Любой ценой.

Марк почувствовал, как внутри всё сжалось. Он знал это чувство. Он чувствовал то же самое сейчас. Он готов был сделать всё, чтобы спасти Лию. Любой ценой.

— И у него получилось? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Да, — сказала Лия. — Но не так, как он планировал. Он вернул её душу. Но она была не той, кого он помнил. Она стала злой. Одержимой. Она хотела вырваться. Убить всех. Он понял, что создал чудовище. И запер её в зеркале. Вместе с другими душами, которые он призвал. Он создал тюрьму, из которой никто не мог сбежать. И он навсегда запер её там.

— Она до сих пор там? — спросил Марк. — Та девушка?

Лия кивнула. Её лицо было бледным, почти прозрачным.

— Она — главная. Она — сердце проклятия. Её звали Элизабет. Она была рыжеволосой, как я. Голубоглазой. Красивой. Когда я впервые посмотрела в зеркало, я увидела её. Она улыбнулась мне. Я думала, она — жертва. А она — охотник. Она ждала меня. Она знала, что я приду.

Марк почувствовал, как по спине пробежал холод. Он представил, как Лия впервые увидела эту девушку в зеркале. Как она улыбнулась ей. Как Лия подумала, что может помочь ей. Как она ошиблась.

— Она хочет вырваться? — спросил он.

— Да. Она хочет жить. И она будет использовать любого, кто сможет открыть портал. Джейкоб думает, что он контролирует её. Но она контролирует его. Она вселила в него идею. Она сделала его своим инструментом. Она использует его, чтобы добиться своей цели.

— Тогда почему ты охраняешь зеркало? — спросил Марк. — Если она такая сильная, почему она не выбралась?

— Потому что я не даю ей этого сделать, — сказала Лия просто. — Я — хранительница. Я сдерживаю её. Но я слабею, Марк. С каждым днём. Каждый месяц. Каждый год. Я чувствую, как трещина становится шире. Как она просачивается. Как тени становятся длиннее. Я чувствую, как мои силы уходят. Как я исчезаю.

Она повернулась к нему. В её глазах была боль. Глубокая, бесконечная, как океан.

— Я не знаю, сколько ещё продержусь, — сказала она. — Поэтому я позвала тебя. Не только чтобы ты разбил зеркало. Но чтобы ты был рядом. Чтобы я не была одна в последний момент. Чтобы я знала, что кто-то помнит меня. Что кто-то любит меня.

Марк шагнул к ней. Он знал, что не может коснуться её. Но он протянул руку и замер в нескольких сантиметрах от её плеча. Он чувствовал холод, но он не отступал.

— Я никуда не уйду, — сказал он. — Я обещаю. Я буду рядом. Всегда. Я не оставлю тебя одну.

Лия улыбнулась. В этой улыбке было столько тепла, что на мгновение ему показалось — она живая. Настоящая. Она была здесь, с ним. Она была его. И он был её.

— Пойдём, — сказала она. — Я покажу тебе ещё кое-что. Ещё один секрет. Ещё одну тайну.

* * *

Она провела его в дальний угол библиотеки. Там стоял старый стол, покрытый пылью. На столе лежали карты. Старые. Пожелтевшие. На них была нарисована школа. Но не та, которую знал Марк.

— Это карта школьных подземелий, — сказала Лия. — Под школой есть целая сеть тоннелей. Они ведут в разные части здания. В том числе — к старому сундуку, где хранится кинжал.

Марк наклонился над картой. Тоннели вились под землёй, как корни деревьев. Они соединяли главное здание с часовней, с подвалом, с старым кладбищем на окраине территории. Они были как сеть, опутывающая всю школу.

— Я никогда не видела, чтобы кто-то спускался туда, — сказала Лия. — Но я знаю, что кинжал там. Я чувствую его. Он связан со мной. Он часть меня.

— С тобой? — удивился Марк. Он посмотрел на неё с удивлением.

— Кинжал был создан для одного, — сказала она. — Чтобы разбить зеркало. Элиас сделал его перед тем, как запер Элизабет. Он знал, что однажды кто-то должен будет остановить её. Он оставил кинжал в подвале. И запечатал его.

— Запечатал? Чем? — спросил Марк.

— Кровью. Своей кровью. И слезами. — Лия посмотрела на него, и в её глазах была глубокая печаль. — Он любил её до самого конца. Даже когда понял, что она стала чудовищем. Он не мог убить её. Но он мог создать оружие, чтобы кто-то другой сделал это за него. Он оставил надежду. Он оставил шанс.

Марк провёл пальцем по карте. Тоннель, ведущий к сундуку, был отмечен красным крестом. Он знал, что должен спуститься туда. Он знал, что должен найти этот кинжал.

— Я должен спуститься туда, — сказал он.

— Да, — ответила Лия. — Но не сейчас. Сначала ты должен подготовиться. Ты должен узнать больше о Джейкобе. О том, как он перемещается. О том, как защитить себя. О том, как победить его.

— И как? — спросил Марк.

Лия подняла на него глаза. В них была странная серьёзность. Она смотрела на него так, как будто видела его насквозь.

— Ты должен понять, кто ты, Марк. Ты не просто видишь меня. Ты связан с этим местом. С этой школой. С этой историей. Твоё родимое пятно — не случайность. Оно — знак. Оно — знак того, что ты часть этого мира.

Он инстинктивно коснулся своего левого запястья. Полумесяц. Тёмный, почти незаметный. Он был с ним с рождения. Он никогда не задумывался о нём. Он никогда не придавал ему значения. Но теперь он знал. Он был частью чего-то большего.

— Что это за знак? — спросил он.

— Ты — противоположность мне, — сказала Лия. — Я — Луна. Ты — Солнце. Две половинки. Два мира. Когда мы встретились, что-то изменилось. Я стала видеть мир ярче. Ты стал видеть призраков. Это не совпадение. Это судьба. Это то, что должно было случиться.

Марк молчал. В голове крутились мысли, но одна была громче других. Он чувствовал, что она говорит правду. Что они действительно связаны. Что они действительно половинки одного целого.

— Значит, я здесь не случайно? — спросил он.

— Нет, — сказала она. — Ты здесь, потому что должен быть. Потому что мир нуждается в тебе. И я нуждаюсь в тебе. Я нуждаюсь в тебе, чтобы выжить. Я нуждаюсь в тебе, чтобы быть свободной.

Она шагнула ближе. Её глаза смотрели прямо в его душу. Он чувствовал, как её взгляд проникает в него. Как он заставляет его чувствовать то, что он никогда не чувствовал раньше.

— Ты спасешь меня, — сказала она. — Я знаю это. Я чувствую это. Я верю в это.

* * *

Они вышли из библиотеки, когда в коридоре послышались шаги.

Марк обернулся. Навстречу шёл Томас. Он выглядел уставшим, глаза покрасневшие, как будто он не спал всю ночь. Его волосы были растрёпаны, рубашка мятая. Он был похож на человека, который видел что-то, что не должен был видеть.

— Марк! — окликнул он. — А я тебя ищу. Ты где был? Я искал тебя по всей школе.

— В библиотеке, — сказал Марк. — Искал книгу по истории. Готовился к контрольной. Томас хмыкнул. Он смотрел на Марка с подозрением.

— Да ну? А я слышал, что ты ходил в старую часть школы. Туда никто не ходит. Она закрыта. Там опасно.

Марк нахмурился. Откуда Томас знает? Откуда он узнал, что он был там? Он чувствовал, как внутри разрастается тревога.

— Мне просто интересно, — сказал он уклончиво. — Я хотел посмотреть, что там. Просто из любопытства.

Томас подошёл ближе и понизил голос. Его глаза были серьёзными, почти испуганными.

— Слушай, я знаю, что ты видел странные вещи. Я видел, как ты разговариваешь сам с собой. Я слышал, как ты шепчешь. Ты не первый такой, Марк. Ты не единственный, кто видит то, чего нет.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Марк. Он чувствовал, как его сердце начинает биться быстрее.

— В прошлом году тоже был один парень, — сказал Томас. — Он тоже говорил, что видит призраков. Он тоже ходил в старую часть школы. А потом он исчез. Просто исчез. Никто не знал, где он. Никто не знал, что с ним случилось.

Марк почувствовал, как внутри всё похолодело. Он смотрел на Томаса и чувствовал, как по спине бегают мурашки.

— Исчез? Как? — спросил он.

— Никто не знает, — ответил Томас. — Он просто не пришёл на уроки. Его комната была пуста. Вещи — на месте. Но его не было. — Томас посмотрел на него с тревогой. — Будь осторожен, Марк. Эта школа не такая, как кажется. Она хранит тайны. Тайны, которые могут убить.

Томас развернулся и ушёл. Марк смотрел ему вслед, чувствуя, как по спине бегают мурашки. Он чувствовал, как страх сжимает его горло.

— Он не врёт, — сказала Лия тихо. — Тот парень — его звали Оливер. Он тоже видел призраков. Он тоже хотел помочь. Джейкоб вселился в него. И он исчез. Он стал частью зеркала. Он стал частью проклятия.

— Он мёртв? — спросил Марк. Его голос был тихим.

— Я не знаю, — ответила Лия. — Я надеюсь, что нет. Но я чувствую его душу в зеркале. Он там. Вместе с другими. Он ждёт. Он надеется, что кто-то спасёт его.

Марк сжал кулаки. Он чувствовал, как внутри разрастается ярость. Он не позволит этому случиться с ним. Он не позволит Джейкобу победить.

— Я не позволю этому случиться со мной, — сказал он.

— Я не позволю, — ответила Лия. — Я не дам ему забрать тебя. Я не дам ему причинить тебе вред. Я защищу тебя.

* * *

Они стояли в коридоре. Свет падал из окна, и Марк смотрел на Лию. Она была прекрасна. Рыжие волосы, голубые глаза, веснушки. Настоящая. Живая. И мёртвая одновременно. Она была воплощением всего, что он искал. Всего, что он хотел.

— Ты знаешь, — начал он, — когда я впервые увидел тебя в классе, я подумал, что схожу с ума. Что моя голова наконец сломалась от всех переездов. Что я просто придумал тебя. Что ты — плод моего воображения.

— И что теперь? — спросила она.

— Теперь я понимаю. Ты — не галлюцинация. Ты — настоящее. Ты — единственное настоящее, что у меня есть. Ты — моя реальность. Ты — мой мир.

Лия улыбнулась. В этой улыбке было столько боли и радости, что у Марка сжалось сердце. Он чувствовал, как его душа наполняется светом.

— Я не хочу, чтобы ты умирала снова, — сказал он. — Я не хочу терять тебя. Я не хочу оставаться один.

— Тогда не теряй, — ответила она. — Найди кинжал. Разбей зеркало. И я буду свободна. И мы будем вместе. Навсегда.

— А если ты уйдёшь навсегда? — спросил он. — Что, если я разобью зеркало и ты исчезнешь? Что, если я потеряю тебя навсегда?

Она помолчала. Потом подошла к нему так близко, что он почувствовал холод. Её лицо было рядом с его лицом. Её глаза смотрели в его глаза.

— Тогда я уйду, зная, что кто-то любил меня. Настоящей любовью. Не той, что я видела в Джейкобе. А той, которая спасла меня. Уже спасла. Ты уже спас меня.

Марк хотел сказать что-то ещё. Он хотел сказать ей, как сильно он её любит. Но она приложила палец к его губам — и он почувствовал лёгкое прикосновение холода.

— Всё будет хорошо, — сказала она. — Ты увидишь. На рассвете солнце встретит луну. И они будут вместе. Как мы.

Она шагнула назад и начала таять. Её силуэт становился всё прозрачнее, исчезая в лучах заката.

— До завтра, Марк.

— До завтра, — прошептал он.

* * *

В тот вечер Марк сидел в своей комнате и смотрел в окно. Луна поднималась над школой — круглая, серебряная, почти полная. Она светила ярко, заливая двор серебристым светом.

Завтра — полнолуние.

Завтра — ночь, когда магия достигает пика.

Но он не был готов. Он знал это. Он знал о Джейкобе слишком мало. Он не знал, как противостоять одержимости. Он не знал, как защитить себя. Он не знал, что делать.

Он взял телефон и открыл переписку с Лией. Он читал её слова снова и снова. Он чувствовал, как его сердце бьётся быстрее.

«Я боюсь, — написал он. — Не за себя. За тебя».

Ответ пришёл через секунду:

«Я тоже боюсь. Но я знаю, что ты справишься. Ты — Солнце. А Солнце не может погаснуть. Ты — мой свет. Ты — моя надежда. Ты — моя жизнь».

Марк улыбнулся и убрал телефон. Он смотрел на луну и чувствовал, как внутри него разливается тепло. Он знал, что завтра всё изменится. Он знал, что завтра он сделает то, что должен. И он был готов.

Он не знал, что ждёт его завтра. Не знал, что Джейкоб уже рядом. Что он смотрит на него из каждого окна. Из каждого отражения. Но он знал одно: он не отступит.

Никогда.

ГЛАВА 5

Марк не спал. Опять.

Он лежал на кровати в комнате Лии и смотрел в потолок, где лунный свет рисовал причудливые тени. За окном ветер раскачивал ветви старого дуба, и они скребли по стеклу, как пальцы мертвеца, пытающиеся войти. Или, может быть, это действительно были они. Марк уже не был ни в чём уверен. Он смотрел на эти тени и чувствовал, как внутри разрастается тревога. Он не знал, что ждёт его завтра. Не знал, сможет ли он пережить эту ночь. Но он знал одно: он должен попытаться. Ради неё. Ради Лии. Ради их будущего.

Телефон лежал на тумбочке. Он снова перечитывал переписку. Все те сообщения, которые Лия отправляла ему ещё до того, как он приехал. Теперь каждое слово звучало иначе. Каждое слово было наполнено смыслом, которого он не замечал раньше. Он читал их снова и снова, и каждый раз его сердце сжималось от боли.

«Ты не представляешь, как я жду, когда ты приедешь».

«Мне кажется, я знаю тебя всю жизнь».

«Здесь ты найдёшь дом».

Она знала. Она знала, что он ищет. И она нашла его. Но нашла ли она себя? Она была призраком, запертым в зеркале. Она была тенью, которая ждала своего света. Она была Луной, которая ждала Солнца.

Марк повернулся на бок и посмотрел на стул у стола. Лия сидела там. Она смотрела на него с той же теплотой, с которой смотрела всегда. Только сейчас в её глазах была тревога. Глубокая, почти бесконечная тревога.

— Ты не спишь, — сказала она тихо. Её голос был мягким, почти шёпотом.

— Я не могу уснуть, — ответил он. — Слишком много мыслей. Слишком много страха. Слишком много надежды.

— О чём ты думаешь?

Он помолчал. Потом сел на кровати и посмотрел ей прямо в глаза. Он хотел сказать ей всё. Всё, что чувствовал. Всё, что боялся сказать.

— О тебе. О завтрашнем дне. О том, что будет, когда я разобью зеркало. О том, что будет с нами. О том, что будет с тобой.

Лия опустила взгляд. Её лицо стало бледнее обычного — если это вообще было возможно для призрака. Она казалась ещё более хрупкой, ещё более невесомой.

— Я тоже думаю об этом, — призналась она. — Каждый день. Каждую ночь. Каждую минуту. Я боюсь, Марк.

— Чего? — спросил он, хотя уже знал ответ.

— Что я исчезну. Что ты разобьёшь зеркало, и я растворюсь в воздухе, как дым. Что я не успею сказать тебе всё, что хочу сказать. Что ты останешься один. Опять. Что ты будешь страдать из-за меня.

Марк встал и подошёл к ней. Он знал, что не может коснуться её. Но он протянул руку и замер в нескольких сантиметрах от её плеча. Там, где начинался холод. Там, где начиналась она.

— Этого не случится, — сказал он. — Я не позволю. Я не дам тебе исчезнуть. Я не дам тебе уйти. Я не дам тебе оставить меня одного.

— Ты не можешь контролировать это, Марк, — сказала она, и в её голосе была глубокая печаль. — Ты не знаешь, что произойдёт. Никто не знает. Мы играем с силами, которые не понимаем. Мы рискуем всем.

— Тогда мы узнаем вместе, — сказал он твёрдо. — Что бы ни случилось, я буду рядом. Я обещаю. Я не оставлю тебя. Я не предаю тебя. Я буду с тобой до конца.

Лия подняла на него глаза. В них блеснули слёзы — прозрачные, почти невесомые, как она сама. Они были как звёзды, упавшие с неба.

— Ты глупый, — прошептала она. — Ты влюбляешься в призрака. Ты рискуешь жизнью ради мёртвой девушки. Ты вообще понимаешь, что делаешь?

— Нет, — ответил он честно. — Но я знаю одно: ты — единственное, что имеет значение. Всё остальное — просто фон. Ты — мой свет. Ты — моя надежда. Ты — моя жизнь.

Она улыбнулась сквозь слёзы. В этой улыбке было столько боли и столько надежды, что у Марка сжалось сердце. Он чувствовал, как его душа наполняется светом и тьмой одновременно.

— Тогда спи, — сказала она. — Завтра будет трудный день. И я хочу, чтобы ты был сильным. Ты должен быть сильным ради нас. Ради меня. Ради нашего будущего.

— Я буду сильным, — сказал он. — Ради тебя. Ради нас. Я сделаю всё, что нужно.

Она кивнул и начала таять в темноте. Марк остался один в комнате, чувствуя, как холод медленно отпускает его. Он лежал и смотрел в потолок, думая о завтрашнем дне. О том, что ждёт его. О том, что он должен сделать. И он знал: он сделает это. Что бы ни случилось.

* * *

Утром Марк проснулся от шума. Кто-то возился на кухне, звенел посудой. Запах кофе и свежего хлеба проникал в комнату, смешиваясь с утренним светом. Он лежал несколько минут, слушая этот звук, и чувствовал, как его сердце бьётся быстрее. Он знал, что сегодня — день, который изменит всё.

Он оделся и спустился вниз. Анна стояла у плиты, готовила завтрак. Она выглядела уставшей — тёмные круги под глазами, руки слегка дрожали, лицо было бледным. Но она улыбнулась, когда увидела его. Эта улыбка была как луч света в тёмной комнате.

— Доброе утро, Марк. Как спалось?

— Нормально, — ответил он, хотя это было не совсем правдой. — Вы неважно выглядите. Всё в порядке?

Анна замаялась. Она поставила перед ним тарелку с яичницей и села напротив. Она смотрела на него долго, как будто собиралась с силами.

— Я хотела поговорить с тобой, — сказала она тихо. — О Лии. О том, что случилось. О том, что должно случиться.

Марк насторожился. Он чувствовал, как внутри разрастается тревога.

— Я слушаю, — сказал он.

Анна смотрела в чашку с чаем, как будто искала в ней ответы. Её пальцы сжимали кружку так сильно, что побелели костяшки.

— Ты знаешь, что она была необычной девочкой. С самого детства. Она видела то, чего не видели другие. Она говорила со стенами. С деревьями. Она рисовала людей, которых никто не знал. Я думала, это просто воображение. Игра. Но потом я поняла — она видит призраков. Она видит мир, который скрыт от других.

Марк молчал, чувствуя, как внутри всё холодеет. Он слушал её и понимал, что она говорит правду. Он знал это чувство. Он чувствовал то же самое сейчас.

— Она никогда не говорила мне об этом прямо, — продолжила Анна. — Но я знала. Матери всё знают. Я видела, как она смотрит в пустоту. Как она шепчет кому-то. Как она плачет по ночам. Я хотела помочь ей. Но она не позволяла. Она говорила: «Мама, я сама справлюсь». И я верила ей. Это было моей ошибкой.

Голос Анны дрогнул. Её глаза наполнились слезами.

— Она приходила ко мне после смерти, — сказала она. — Я видела её. Она стояла на пороге моей комнаты и смотрела на меня. Она была такой же, как при жизни. Та же улыбка. Те

же глаза. Только бледнее. И она была холодной. Я чувствовала этот холод даже через одеяло. Я чувствовала её присутствие. Я чувствовала её боль.

Анна подняла глаза на Марка. В них блеснули слёзы.

— Она сказала мне: «Мама, я не могу уйти. Я застряла. Меня держит что-то в школе. Я не знаю, что это. Но я не могу уйти». Я спросила, чем могу помочь. Она сказала: «Жди. Кто-то придёт. Я почувствую его». И я ждала. Целый год. Каждый день. Каждую ночь. Каждую минуту.

— Я не знала, что этим кем-то будешь ты, — сказала она, сжимая его руку. — Но когда я увидела тебя в первый раз, я поняла. Это ты. Тот, кто спасёт мою девочку. Тот, кто даст ей надежду. Тот, кто освободит её.

Марк не знал, что сказать. Он чувствовал тяжесть её слов, её надежды. И страх, что он может не оправдать этого доверия.

— Я сделаю всё, что смогу, — сказал он тихо. — Я обещаю. Я не подведу её. Я не подведу вас.

Анна сжала его руку крепче. Её пальцы были тёплыми, но он чувствовал, как они дрожат.

— Я знаю, — сказала она. — Береги себя. Пожалуйста. Ты нужен ей. Ты нужен мне. Ты нужен этому миру.

* * *

В школе Марк чувствовал себя не в своей тарелке. С каждой минутой его всё больше тянуло к Лии, но в то же время он знал, что должен быть осторожным. Слишком много глаз смотрело на него. Слишком много ушей слушало. Он чувствовал, как его преследуют взгляды, как его обсуждают, как его боятся.

Давид нашёл его на перемене. Он выглядел взволнованным. Его глаза были широко раскрыты, лицо бледное.

— Марк! Я тебя ищу! — он подбежал, запыхавшись. — Ты слышал, что случилось? Ты знаешь, что произошло?

— Нет, — ответил Марк, чувствуя, как внутри разрастается тревога. — А что случилось?

— Томаса нашли в подвале, — сказал Давид, понижая голос. — Он был бледный. Как мел. Говорят, он не помнит, как туда попал. Он даже не помнит, что было прошлой ночью. Он просто сидел там, в темноте, и смотрел в стену.

Марк почувствовал, как кровь отлила от лица. Его сердце забилося быстрее.

— Где он сейчас? — спросил он.

— У медсестры. Она осматривает его. Говорят, он не может говорить. Он просто смотрит в одну точку и молчит. — Давид нахмурился. — Марк, это странно. Очень странно. Сначала тот парень, Оливер. Теперь Томас. Я не хочу, чтобы с тобой случилось то же самое. Я боюсь за тебя.

— Со мной всё будет в порядке, — сказал Марк, стараясь говорить твёрдо. — Ты не волнуйся. Я знаю, что делаю.

Давид неуверенно кивнул. Он смотрел на Марка с тревогой.

— Если что-то понадобится — обращайся. Ты не один здесь. У тебя есть друзья. Мы поможем тебе.

Он ушёл, оставив Марка одного. Марк стоял в коридоре, чувствуя, как внутри нарастает тревога. Он смотрел в пустоту и чувствовал, как его сердце колотится.

— Лия, — прошептал он. — Что происходит? Что случилось с Томасом?

Она появилась рядом — внезапно, как будто всегда была там. Она была бледнее обычного, почти прозрачная. Её глаза были полны тревоги.

— Джейкоб знает, что ты здесь, — сказала она. — Он ищет тебя. Он проверяет всех вокруг. Томас — его инструмент. Он использовал его, чтобы посмотреть на тебя. Чтобы понять, кто ты. Чтобы увидеть, на что ты способен.

— Томас был в подвале? — спросил Марк. — Он видел Джейкоба?

— Да, — ответила Лия. — Он не помнит, как туда попал, потому что Джейкоб стёр его память. Он сделал так, чтобы Томас не помнил ничего. Он забрал его воспоминания. Он забрал его страх. Он сделал его пустым.

— И что мне теперь делать? — спросил Марк.

Лия посмотрела на него. В её глазах была решимость. Она смотрела на него так, как будто он был её единственной надеждой.

— Мы должны поторопиться, — сказала она. — У нас нет времени. Завтра полнолуние. Завтра мы должны быть готовы. Мы не можем ждать.

— Но я ещё не нашёл кинжал, — сказал Марк.

— Тогда сегодня мы пойдём в библиотеку, — сказала она. — В старую библиотеку. Там есть карта подземелий. Я покажу тебе, куда идти. Мы найдём кинжал сегодня вечером. Мы не можем откладывать.

— А если Джейкоб будет ждать нас там? — спросил Марк.

— Он не будет ждать, — сказала Лия. — Он будет искать тебя. Но он не знает, куда мы идём. Он не знает, что мы нашли карту. У нас есть преимущество. Он не знает, что мы готовы.

— А если он вселится в кого-то из нас? — спросил Марк.

Лия помолчала. Потом сказала тихо, и в её голосе была сталь:

— Тогда я закрою тебя собой. Я не дам ему забрать тебя. Клянусь. Я не дам ему причинить тебе вред. Я не дам ему победить.

Марк хотел возразить, но она уже исчезла. Только холод на несколько секунд задержался в воздухе.

* * *

На уроке истории Марк не мог сосредоточиться. Он смотрел на учительницу, но не слышал её. Он смотрел на одноклассников, но не видел их. В его голове была только Лия. И Джейкоб. И кинжал. Он чувствовал, как время ускользает от него. Как каждая секунда приближает его к чему-то неизбежному.

Когда урок закончился, Марк вышел в коридор и направился в старую часть школы. Ему нужно было быть осторожным. Он знал, что в любой момент Джейкоб может вселиться в кого угодно. В Давида. В учителя. В любого, кто посмотрит на него с пустым взглядом. В любого, кто окажется рядом.

Он свернул в старый коридор, где его шаги отдавались эхом. Здесь пахло сыростью и пылью. На стенах висели портреты бывших учеников, и их глаза, казалось, следили за ним. Марк отводил взгляд, но чувствовал их взгляды на своей спине. Он чувствовал, как они смотрят на него. Как они ждут.

— Ты пришёл, — услышал он голос у себя за спиной.

Он обернулся. В дверях стояла женщина. Лет за пятьдесят. Седые волосы собраны в пучок, длинная тёмная юбка, строгий взгляд. В руках она держала старую книгу. Она смотрела на него так, как будто знала его.

— Клара, — сказал Марк. — Я должен был догадаться.

Она улыбнулась, но улыбка была грустной. Она была как луч света в тёмной комнате.

— Я ждала тебя, — сказала она. — Садись. Нам нужно поговорить.

Они сели за стол. Клара положила перед ним книгу — старую, в кожаном переплёте, с символами на обложке. Она была пыльной, старой, как будто её не открывали десятилетиями.

— Это дневник Элиаса, — сказала она. — Того, кто создал зеркало. Я храню его много лет. Я ждала того, кому смогу передать его. Того, кто сможет понять его. Того, кто сможет использовать его.

— Я уже знаю о нём, — сказал Марк. — Лия рассказала мне. Она рассказала мне всё.

Клара удивлённо подняла брови. Она смотрела на него с уважением.

— Она доверилась тебе? — она покачала головой. — Она никому не доверяла после смерти. Она была одинока. Она была напугана. Ты особенный, Марк. Это многое объясняет. Ты — её надежда. Ты — её свет.

Она открыла книгу. Страницы были пожелтевшими, текст — старым, с трудом читаемым. Но Марк различал отдельные слова. Зеркало. Души. Портал. Кинжал. Жертва. Каждое слово было как удар в сердце.

— Что значит «жертва»? — спросил он.

Клара помолчала. Её лицо стало серьёзным. Она смотрела на него с сочувствием.

— Чтобы разбить зеркало, недостаточно просто ударить кинжалом, — сказала она. — Нужна связь. Сильная эмоциональная связь с тем, кто заперт внутри. Ты и Лия — две половинки одного целого. Солнце и Луна. Твоя связь с ней — единственное, что может разрушить проклятие. Но это также то, что может уничтожить тебя. Это то, что может забрать твою душу.

— Что я должен сделать? — спросил Марк.

— Ты должен отдать часть себя, — сказала Клара тихо. — Часть своей души. Ты ударишь по зеркалу, и оно поглотит твою энергию. Если ты не будешь готов, оно поглотит тебя полностью. Ты должен быть готов к этому.

Марк сглотнул. Он чувствовал, как его сердце бьётся быстрее.

— Я готов, — сказал он.

Клара посмотрела на него с сочувствием. Она смотрела на него так, как будто видела его будущее.

— Знаешь, что сказал Элиас перед тем, как запер Элизабет? — спросила она. — Он сказал: «Я отдаю тебе свою душу, чтобы ты была свободна». Он знал, что умрёт. Но он сделал это. Потому что любил её.

— Я тоже люблю Лию, — сказал Марк. — Я люблю её больше, чем свою жизнь.

Клара улыбнулась. В её улыбке была надежда.

— Я знаю, — сказала она. — Поэтому я верю, что у тебя получится. А теперь иди. И будь осторожен. Джейкоб уже близко. Я чувствую его присутствие. Он ждёт тебя. Он готов.

* * *

Марк вышел из кабинета и направился к старой библиотеке. Сердце колотилось быстрее. Каждый шаг отдавался эхом в пустом коридоре. Он чувствовал на себе взгляды картин, статуй, теней. Он чувствовал, как они ждут его.

— Лия, — позвал он. — Я здесь.

Она появилась из тени, словно выплыла из стены. Она была бледной, почти прозрачной, но её глаза горели.

— Ты видел Клару? — спросила она.

— Да. Она дала мне дневник. Она сказала, что я должен отдать часть души, чтобы разбить зеркало.

Лия побледнела. Её лицо стало белым, как бумага.

— Я не хотела, чтобы ты знал, — сказала она. — Я хотела защитить тебя. Я хотела, чтобы ты не знал правды.

— Ты не должна защищать меня от правды, — сказал Марк. — Я должен знать, на что иду. Я должен знать, что я делаю.

Она смотрела на него с болью и благодарностью. Её глаза были полны слёз.

— Тогда я покажу тебе путь, — сказала она. — Пойдём. Время не ждёт.

* * *

Она вела его через лабиринт старых коридоров. С каждым шагом становилось темнее, воздух — холоднее и сырее. Стены покрывались плесенью и паутиной. Марк чувствовал, как внутри разрастается тревога. Он чувствовал, как страх сжимает его горло.

— Мы почти пришли, — сказала Лия.

Они остановились у старой двери, обитой железом. На ней был высечен символ — полумесяц и солнце, переплетённые вместе. Они были как обещание. Как надежда. Как судьба.

— Это вход в подземелья, — сказала Лия. — Я не могу войти туда. Только ты можешь.

— Почему? — спросил Марк.

— Я — дух, — сказала она. — Я привязана к школе. Я не могу покинуть её пределы. Подземелья — это не школа. Это другое место. Древнее. Я не могу переступить эту грань. Это не моя территория.

Марк посмотрел на дверь. Она казалась твёрдой, непреодолимой. Но он знал, что должен войти.

— Я найду кинжал, — сказал он. — Я вернусь. Я обещаю.

— Я буду ждать тебя, — сказала она. — Всегда.

Он толкнул дверь. Она открылась со скрипом — протяжным, похожим на стон. За ней была тьма. Бесконечная, давящая, пугающая.

Марк сделал шаг вперёд. Дверь закрылась за ним с глухим стуком.

* * *

Он стоял в темноте. Абсолютной, полной, давящей. Он не видел ни стен, ни потолка, ни пола. Только тьма. Она была живой, дышащей, ждущей.

— Ты думал, что сможешь пройти через мои владения? — раздался голос. Громкий, злой, чужой.

Марк обернулся. Голос был везде. Отовсюду. Он исходил из стен, из пола, из воздуха.

— Джейкоб, — сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я знаю, что ты здесь. Покажись. Не прячься.

Из темноты шагнула фигура. Светловолосый парень с голубыми глазами. Красивый. Почти как на рисунках. Но его глаза были пустыми. Холодными. Как у мёртвого. Он смотрел на Марка с ненавистью.

— Ты думаешь, что сможешь спасти её? — усмехнулся Джейкоб. — Ты думаешь, что любовь сильнее смерти? Ты глупый, Марк. Глупый и наивный. Ты не понимаешь, с чем играешь.

— Я спасу её, — сказал Марк. — Я клянусь. Я не позволю тебе победить.

— Ты не сможешь, — сказал Джейкоб. — Она мертва. Она принадлежит мне. Она всегда принадлежала мне. Я забрал её душу. Я запер её в зеркале. Я сделал её своей.

Марк сжал кулаки. Он чувствовал, как его руки сжимаются от ярости.

— Она никогда не принадлежала тебе, — сказал он. — Она никогда не будет твоей. Я освобожу её.

Джейкоб засмеялся. Смех был громким, издевательским, пустым.

— Ты думаешь, она любит тебя? — спросил он. — Она не знает тебя. Она знает только то, что ты написал ей. Слова. Пустые слова. Я дал ей то, что ты никогда не сможешь. Я дал ей смерть. Бессмертие. Я дал ей вечность.

— Ты убил её, — сказал Марк. — Ты отнял у неё всё. Ты отнял у неё жизнь.

— Я дал ей всё, — сказал Джейкоб. — Она часть зеркала. Она часть этого мира. Она вечна. — Джейкоб шагнул ближе. — Хочешь присоединиться к ней? Стать частью чего-то великого? Стать частью вечности?

— Нет, — сказал Марк твёрдо. — Я уничтожу тебя. И зеркало. Я освобожу всех, кого ты запер.

— Ты не сможешь, — сказал Джейкоб. — Ты даже не найдёшь кинжал. Он спрятан там, где ты никогда не найдёшь его. Ты умрёшь здесь. Один.

Джейкоб шагнул назад и начал таять в темноте.

— До встречи, Марк. Если ты выживешь.

Тьма поглотила его. Марк остался один.

* * *

Он стоял в темноте, чувствуя, как сердце колотится в груди. Страх сжимал горло, но он не отступал. Он смотрел в пустоту и чувствовал, как внутри него загорается свет.

— Я не боюсь, — прошептал он. — Я не боюсь.

Он выключил телефон и пошёл вперёд. На ощупь. Доверяя инстинктам. Он шёл, чувствуя, как стены приближаются к нему.

И через несколько шагов он наткнулся на стену. Провёл рукой по ней и нащупал факел. Он достал зажигалку — и пламя осветило подземелье.

Вокруг были тоннели. Бесконечные, извивающиеся. Он пошёл по одному из них, чувствуя, как стены сужаются. Воздух становился холоднее, тяжелее. Пахло камнем и чем-то забытым. Чем-то древним.

Он шёл долго. Может, час. Может, два. Он потерял счёт времени. Но когда он дошёл до конца тоннеля, он увидел сундук.

Старый, оббитый железом. На крышке был высечен тот же символ — полумесяц и солнце. Они были как обещание. Как надежда. Как судьба.

Марк подошёл к нему и опустил на колени. Засов был старым, но не заржавевшим. Он поднял его и открыл крышку.

Внутри лежал кинжал.

Тёмное лезвие, покрытое символами. Рукоять из чёрного дерева, инкрустированная серебром. От него исходил холод — ледяной, пульсирующий. Он чувствовал его силу. Он чувствовал его ожидание.

Марк взял его в руки. И почувствовал, как сила разливается по его телу. Как будто кинжал узнал его. Как будто он ждал его. Как будто он был создан для него.

— Я нашёл тебя, — прошептал он.

И в этот момент тьма вокруг него зашевелилась. Тени начали двигаться. Они тянулись к нему, пытались схватить. Они были живыми, голодными, злыми.

Марк сжал кинжал крепче и побежал.

* * *

Он бежал через подземелья, чувствуя, как тени догоняют его. Они шептали его имя. Они звали его. Они хотели забрать его душу.

— Я не отдам её вам, — крикнул он, выбегая к двери. — Я клянусь! Я не позволю вам победить!

Он толкнул дверь. Она открылась — и он вылетел в коридор, где пахло светом и свежим воздухом. Он упал на колени, тяжело дыша. Кинжал был в руке. Он выжил.

Лия стояла рядом. Она смотрела на него с ужасом и надеждой. Она была бледной, почти прозрачной, но её глаза горели.

— Ты сделал это, — сказала она. — Ты нашёл его.

Марк поднял голову и улыбнулся. Он чувствовал, как его сердце бьётся быстрее.

— Я же обещал, — сказал он. — Я никогда не нарушаю обещаний.

Она опустилась рядом с ним. Почти коснулась его руки, но остановилась. Между ними была тонкая грань.

— Завтра, — сказала она. — Завтра всё закончится.

— Да, — ответил он. — Завтра я освобожу тебя.

Она улыбнулась. В этой улыбке было всё — надежда, страх, любовь.
— Я буду ждать тебя, — сказала она. — Как всегда.

ГЛАВА 6

Марк проснулся от того, что в комнате было слишком тихо.

Он открыл глаза и несколько секунд просто лежал, глядя в потолок. За окном уже начало светать — серый, бледный свет пробивался сквозь шторы, окрашивая комнату в цвета утра. Он знал, что сегодня — день, который изменит всё. Сегодня полнолуние. Сегодня он разобьёт зеркало. Сегодня он освободит Лию. Сегодня он сделает то, ради чего приехал сюда.

Мысль об этом наполнила его одновременно надеждой и страхом. Он не знал, что произойдёт, когда зеркало падёт. Не знал, сможет ли он пережить эту ночь. Не знал, увидит ли он её снова. Но он знал одно: он должен попытаться. Ради неё. Ради них. Ради всего, что было между ними.

Он сел на кровати и посмотрел на тумбочку. Кинжал лежал там, завернутый в полотенце. Он помнил, как нашёл его вчера в подземельях. Помнил холод, который исходил от него. Помнил, как тени преследовали его, как они шептали его имя, как они тянулись к нему своими призрачными руками. Но он выжил. Он вернулся. И теперь он был готов. Он чувствовал, как внутри него загорается свет, который не мог погаснуть.

Он взял кинжал в руки. Ткань была холодной, но под ней чувствовалось тепло — пульсирующее, живое. Как будто кинжал дышал. Как будто он ждал своего часа. Как будто он знал, что сегодня наступит его время.

— Сегодня, — прошептал Марк. — Сегодня всё закончится. Сегодня я освобожу тебя.

Он посмотрел на свои руки. Они дрожали. Он чувствовал, как его сердце бьётся быстрее, как кровь стучит в висках. Он боялся. Он боялся, что не справится. Что подведёт её. Что потеряет её навсегда. Но он знал: он должен идти вперёд. Должен сделать это. Ради неё.

Он встал и подошёл к окну. Во дворе Анна поливала цветы. Она выглядела спокойной, но он знал, что это только внешность. Внутри неё была тревога. Он видел это по тому, как она держала лейку — пальцы побелели от напряжения. Как она смотрела на дом, словно ждала, что он исчезнет. Как она дышала — прерывисто, неровно.

Он оделся и спустился вниз. Анна уже накрыла стол. На тарелках дымились яичница, пахло свежим хлебом и кофе. Она улыбнулась, когда он вошёл, но улыбка была натянутой. Она была как маска, скрывающая страх.

— Доброе утро, Марк. Хорошо спалось?

— Нормально, — ответил он, хотя это было не совсем правдой. Он почти не спал — всё время ворочался, думая о сегодняшней ночи, о том, что ждёт его, о том, что будет с Лией. Он чувствовал, как его тело устало, но дух был готов.

Анна поставила перед ним тарелку с яичницей и села напротив. Она смотрела на него долго, как будто хотела запомнить каждую черту его лица. Каждый волосок, каждую морщинку, каждую эмоцию.

— Сегодня ночью? — спросила она тихо, и её голос дрогнул.

— Да, — сказал он. — Сегодня. Я готов. Я должен сделать это.

Она помолчала. Потом протянула руку и сжала его ладонь. Её пальцы были холодными и дрожали. Она смотрела на него с мольбой.

— Береги себя, — сказала она. — Пожалуйста. Ты нужен ей. Ты нужен мне. Ты нужен этому миру. Не рискуй зря.

— Я обещаю, — сказал он. — Я вернусь. Я не оставляю её. Я не оставляю вас.

— Ты не знаешь этого, — сказала она. — Ты не знаешь, что ждёт тебя там. Ты не знаешь, что может случиться.

— Знаю, — сказал он. — Но я должен идти. Я должен сделать это. Ради неё.

Она кивнула и отпустила его руку.

Он доел завтрак и вышел из дома. Воздух был свежим, но в нём чувствовалось что-то странное. Какая-то тяжесть. Как будто природа затаила дыхание в ожидании того, что должно было случиться. Птицы не пели. Ветер не шевелил листья. Всё замерло. Всё ждало.

Марк шёл по улице, и каждый шаг отдавался в его груди глухим стуком. Он знал, что сегодня ночью он либо спасёт Лию, либо умрёт. И он был готов к обоим исходам. Он чувствовал, как его душа наполняется решимостью. Как его сердце становится сильнее.

* * *

В школе было шумно. Ученики бегали по коридорам, смеялись, обсуждали уроки, спорили, делились секретами. Марк шёл среди них, но чувствовал себя чужим. Он знал, что сегодня ночью всё изменится. Что эти коридоры, эти стены, эти лица — всё это станет другим. Он чувствовал, как его отделяет от них невидимая стена.

На первом уроке он сидел за партой и смотрел в окно. Мысли крутились вокруг Лии, зеркала, кинжала. Он почти не слышал учителя. Перед его глазами стояло её лицо — рыжие волосы, голубые глаза, веснушки. Он слышал её голос, её шёпот, её смех. Он чувствовал её присутствие — она была где-то рядом, он знал это. Она была его светом в темноте.

— Марк! — услышал он голос. — Ты с нами?

Он вздрогнул и повернулся. Учительница смотрела на него вопросительно. В её глазах было нетерпение.

— Извините, — сказал он. — Я задумался. Я думал о... о домашнем задании.

— Это заметно, — сказала она сухо. — Постарайся сосредоточиться. Это важно для твоей оценки.

Он кивнул и попытался слушать, но мысли снова ускользали. Он думал о том, что будет, когда он ударит кинжалом по стеклу. Что будет, когда зеркало разобьётся. Что будет с Лией. Что будет с ним. Что будет с их будущим.

На перемене к нему подошёл Томас. Он выглядел озабоченным — глаза были красными, под ними залегли тёмные круги, лицо бледное. Он был похож на человека, который не спал несколько ночей.

— Ты выглядишь уставшим, — сказал он. — Всё в порядке? Ты выглядишь хуже, чем я.

— Да, — ответил Марк. — Просто не спал. Думал о... о разных вещах.

— Сегодня ночью? — Томас понизил голос. — Ты идёшь? Ты собираешься сделать это?

— Да, — сказал Марк. — Я должен. Я не могу ждать.

Томас кивнул. Он смотрел на Марка с тревогой и сочувствием. Он знал, что это опасно.

— Будь осторожен, — сказал он. — Я не знаю, что там, но я чувствую, что это опасно. Я чувствую, что это может убить тебя.

— Я буду, — сказал Марк. — Спасибо, что беспокоишься. Это много для меня значит.

Томас хотел сказать что-то ещё, но раздумал. Он просто похлопал Марка по плечу и ушёл.

Марк вышел из класса и направился в коридор. В этот момент он почувствовал, что кто-то смотрит на него. Взгляд был тяжёлым, почти осязаемым. Он обернулся. Давид стоял у стены и смотрел на него странным взглядом. Его глаза были пустыми. Стеклянными. Он не двигался, не моргал, просто стоял и смотрел. Смотрел сквозь него.

— Давид? — позвал Марк, чувствуя, как его сердце начинает биться быстрее.

Давид медленно повернул голову. Его лицо было бледным, как мел. Он улыбнулся — но улыбка была чужой. Нечеловеческой. Она была как маска, натянутая на пустоту.

— Ты придёшь сегодня ночью? — спросил он голосом, который не был его голосом. Голос был низким, скрипучим, как будто кто-то говорил через него. Как будто он был марионеткой.

Марк почувствовал, как кровь отливает от лица. Сердце забилось быстрее. Он смотрел на Давида и чувствовал, как страх сжимает его горло.

— Джейкоб? — прошептал он.

— Умный мальчик, — усмехнулся Давид. — Я жду тебя. Приходи. Приведи кинжал. И мы закончим то, что начали. Ты и я. Один на один.

— Отпусти его, — сказал Марк. — Он не имеет отношения к этому. Он не виноват. Отпусти его.

— Он имеет, — сказал Джейкоб голосом Давида. — Он твой друг. Он часть твоей жизни. Через него я вижу тебя. Через него я чувствую твой страх. Через него я знаю, что ты боишься.

— Я не боюсь тебя, — сказал Марк. — Я не боюсь.

— Ты должен бояться, — сказал Джейкоб. — Потому что я убью тебя. Я заберу твою душу. И ты станешь частью зеркала. Навсегда. Ты будешь моим.

Он развернулся и пошёл по коридору. Его шаги были механическими, неестественными. Давид двигался как кукла, которую кто-то дёргал за нитки. Каждое движение было резким, неестественным.

Марк смотрел ему вслед, чувствуя, как страх сжимает горло. Он не знал, что делать. Он не знал, как спасти друга. Он не знал, как победить врага.

— Джейкоб забрал его, — услышал он голос.

Он обернулся. Рядом стояла Лия. Она была бледной. Почти прозрачной. Её рыжие волосы потеряли яркость, стали серыми. Глаза — тусклыми. Она выглядела слабой, уставшей.

— Лия! — сказал он. — Что происходит? Почему ты такая бледная? Ты выглядишь хуже, чем вчера.

— Я слабею, — сказала она. — Джейкоб питается моей энергией. Он использует её, чтобы вселяться в людей. Он становится сильнее, а я умираю. Я чувствую, как он забирает мои силы. Как он становится сильнее.

— Я спасу тебя, — сказал он. — Сегодня ночью. Я сделаю это. Я освобожу тебя.

— Ты должен быть осторожен, — сказала она. — Джейкоб будет ждать тебя. Он хочет твою душу. Он хочет использовать кинжал против тебя. Он знает, что ты единственный, кто может остановить его. И он сделает всё, чтобы ты не дошёл до зеркала. Он будет использовать всё, что у него есть.

— Я не позволю ему, — сказал Марк. — Я не дам ему победить.

Лия посмотрела на него. В её глазах была надежда. И страх. И любовь. Всё это смешалось в один коктейль.

— Я верю в тебя, — сказала она. — Всегда. Я верю, что ты сможешь. Я верю, что ты победишь.

Она шагнула ближе. Почти коснулась его руки. Он почувствовал холод — ледяной, обжигающий. Но он не отступил. Он смотрел на неё и чувствовал, как его сердце наполняется теплом.

— Я люблю тебя, Марк, — прошептала она. — Я никогда не говорила этого при жизни. Но я говорю это сейчас. Я люблю тебя. Я всегда любила тебя.

— Я тоже люблю тебя, Лия, — сказал он. — Всегда.

Она улыбнулась и исчезла.

* * *

День прошёл как в тумане. Марк почти не помнил уроков, не помнил, с кем разговаривал. Он думал только о ночи. О зеркале. О Лие. О Давиде. О Джейкобе. Он чувствовал, как время ускользает от него, как каждая секунда приближает его к чему-то неизбежному.

После обеда он пошёл к Кларе. Она сидела в своём кабинете и смотрела в окно. Её лицо было бледным, глаза глубоко запали. Она выглядела старше, чем вчера. Она выглядела уставшей.

— Я знаю, зачем ты пришёл, — сказала она, не оборачиваясь. — Сегодня ночью. Я чувствую это.

— Да, — сказал Марк. — Я готов. Я чувствую, что должен сделать это.

Клара повернулась к нему. Она смотрела на него долго, как будто хотела увидеть что-то в его душе. Что-то, что он сам не видел.

— Ты знаешь, что должен сделать? — спросила она.

— Разбить зеркало, — сказал он. — Кинжалом. В полнолуние. Освободить Лию.

— Да, — сказала она. — Но ты должен знать: когда ты разобьёшь зеркало, ты освободишь не только Лию. Ты освободишь всех. Всех духов, которые были заперты там. Всех, кто ждал.

— Что значит «всех»? — спросил он, хотя уже догадывался. Он чувствовал, как его сердце сжимается.

— Духов, — сказала Клара. — Тех, кто заперт внутри. Они вырвутся. Они вселятся в учеников. И ты должен будешь остановить их. Ты должен будешь вернуть их обратно. Ты должен будешь спасти их всех.

— Как? — спросил он. — Как я смогу остановить их? Как я смогу спасти их всех?

Клара покачала головой. Она смотрела на него с сочувствием.

— Я не знаю, — сказала она. — Никто не знает. Ты будешь первым, кто попытается. Но я знаю, что ты сможешь. Ты — Солнце. Ты — свет. Ты сможешь найти путь. Твоя любовь к Лии — это твоя сила. Она поможет тебе. Она сделает тебя сильнее.

Марк вышел из кабинета Клары с тяжёлым сердцем. Он не знал, что ждёт его ночью. Но он знал, что должен идти. Должен сделать это. Ради неё.

* * *

Вечер опустился на школу быстро. Солнце село, и небо окрасилось в тёмно-синий цвет. Луна поднималась над горизонтом — огромная, круглая, почти полная. Её свет был холодным и серебряным. Она была как обещание. Как надежда. Как судьба.

Марк стоял в своей комнате и смотрел на кинжал. Он взял его в руки. От него исходил холод. Он чувствовал его силу. Он чувствовал его ожидание.

— Ты готов? — услышал он голос.

Он обернулся. Лия стояла у двери. Она была почти прозрачной, но он видел её лицо. Её улыбку. Её глаза.

— Я готов, — сказал он. — Я чувствую, что должен сделать это.

— Тогда идём, — сказала она. — Время пришло.

Они вышли из дома и направились в школу. Ночь была холодной. Ветер выл в трубах. Тени плясали на стенах. Он чувствовал, как его сердце бьётся быстрее.

Они вошли в холл. Зеркало стояло на месте. Оно светилось тусклым серебристым светом. Внутри него двигались тени. Они шептали его имя. Они звали его. Они ждали его.

— Он здесь, — сказала Лия. — Он ждёт тебя. Он готов.

Марк шагнул вперёд. Зеркало засияло ярче. Из стекла вышла тень. Она приняла форму человека. Светловолосого, красивого. С голубыми глазами. Но в этих глазах была пустота. Они были как бездонные колодцы.

— Джейкоб, — сказал Марк.

— Ты пришёл, — сказал Джейкоб. — Я знал, что ты придёшь. Ты не мог не прийти. Ты не мог оставить её.

— Отпусти Лию, — сказал Марк. — И освободи Давида. Отпусти всех, кого ты запер.

— Ты думаешь, что сможешь победить меня? — засмеялся Джейкоб. — Ты глупый, Марк. Глупый и наивный. Я сильнее тебя. Я сильнее всех. Я бессмертен.

— Я не боюсь тебя, — сказал Марк. — Я не боюсь смерти.

— Ты должен бояться, — сказал Джейкоб. — Потому что я убью тебя. Я заберу твою душу. И ты станешь частью зеркала. Навсегда. Ты будешь моим навечно.

Он шагнул вперёд. Марк сжал кинжал. Он чувствовал, как сила разливается по его телу. Как свет загорается внутри него.

— Я не позволю тебе, — сказал он. — Я не дам тебе победить.

Он поднял кинжал и ударил по зеркалу.

Звук был похож на крик. Тысячи голосов закричали одновременно. Стекло треснуло — и из трещины хлынул свет. Белый, ослепительный. Он заполнил всё вокруг.

Марк зажмурился. Он чувствовал, как сила вырывается из зеркала. Как она проходит сквозь него. Как она забирает что-то важное. Часть его души. Часть его жизни. Часть его любви.

— Нет! — закричал Джейкоб. — Нет! Это невозможно!

Тьма начала рассеиваться. Джейкоб исчез. Тени разлетелись в разные стороны, исчезая в воздухе.

Марк упал на колени. Он чувствовал, как силы покидают его. Он открыл глаза. Зеркало было разбито. Осколки лежали на полу, тускло отражая лунный свет.

— Ты сделал это, — услышал он голос.

Он повернул голову. Лия стояла рядом. Она была прозрачной, почти невесомой. Но она улыбалась. В её глазах была надежда.

— Ты свободна? — спросил он хрипло. — Ты свободна теперь?

— Да, — сказала она. — Теперь я свободна. Ты освободил меня.

Она шагнула к нему. И впервые он почувствовал тепло. Не холод. Тепло. Она протянула руку и коснулась его щеки. Он почувствовал это — настоящее прикосновение. Живое. Тёплое.

— Я ухожу, — сказала она. — Но я никогда не забуду тебя. Я всегда буду помнить тебя.

— Я тоже не забуду тебя, — сказал он. — Я никогда не забуду тебя.

Она улыбнулась — и начала таять. Медленно, как утренний туман. Исчезая в лунном свете. Её лицо становилось всё прозрачнее, всё дальше.

— Солнце встретит луну, — прошептала она. — Всегда. Всегда, Марк.

И она исчезла.

Марк остался стоять на коленях в пустом холле. Разбитое зеркало. Осколки. Тишина.

Он закрыл глаза. Слёзы текли по его щекам.

Он сделал это. Он спас её.

Но он потерял её.

И он знал, что никогда не забудет её. Никогда. Она была его светом. Его надеждой. Его любовью.

ГЛАВА 7

Марк не знал, сколько времени он просидел на коленях в пустом холле.

Осколки зеркала тускло мерцали в лунном свете, разбросанные по каменному полу, как тысячи маленьких глаз, которые смотрели на него с немим укором. Они отражали свет луны, создавая на стенах причудливые узоры, которые двигались и менялись, как живые. В воздухе всё ещё витал холод — тот самый, который исходил от зеркала, от теней, от Джейкоба. Но теперь в этом холоде было что-то другое. Пустота. Тишина. Одиночество. Он чувствовал, как этот холод проникает в его душу, заполняя пустоту, которую оставила Лия.

Он медленно поднялся на ноги. Ноги дрожали, колени болели от долгого стояния на твёрдом камне. Он чувствовал себя старым. Разбитым. Как будто вместе с зеркалом разбилась и часть его самого. Он смотрел на осколки, и каждый из них отражал его лицо — бледное, уставшее, с красными глазами. Он не узнавал себя в этом отражении. Он был другим. Он изменился навсегда.

Он посмотрел на свои руки. На правой ладони всё ещё был зажат кинжал. Он разжал пальцы — и кинжал упал на пол с глухим звоном, который разнёсся по пустому холлу, как похоронный колокол. Марк смотрел на него, но не видел. Он видел только её лицо. Её улыбку. Её глаза, которые смотрели на него в последний раз. Её губы, которые прошептали: «Солнце встретит луну. Всегда».

Эти слова эхом отдавались в его голове. Он слышал их впервые от неё в тот вечер в библиотеке, когда она объясняла ему смысл их родимых пятен. Но теперь они звучали иначе. Теперь они звучали как прощание. Как обещание, которое она оставила ему. Как надежда, которую он должен был сохранить. Он повторял их снова и снова, пытаясь удержать её образ в своей памяти. Она была здесь. Она была рядом. А теперь её нет.

Он повернулся и пошёл к выходу из холла. Шаги отдавались эхом от стен, гулко, неестественно громко в этой мёртвой тишине. Каждый шаг давался с трудом, как будто он нёс на плечах невидимый груз. Он чувствовал, как его ноги тяжелеют, как его тело устаёт. Он хотел упасть и лежать, но он знал, что должен идти. Должен жить дальше. Ради неё.

В коридоре было темно. Света почти не было — только бледный лунный свет пробивался сквозь высокие окна, рисуя на полу причудливые узоры. Тени плясали на стенах, и Марку казалось, что они двигаются сами по себе. Что они следят за ним. Что они ждут. Он чувствовал их присутствие. Он чувствовал, что они наблюдают за ним.

Он вышел из школы и вдохнул холодный ночной воздух. Небо было чистым, усыпанным звёздами. Луна висела высоко — огромная, круглая, серебряная. Она казалась насмешкой. Он смотрел на неё и думал о том, что Лия больше никогда не увидит этого света. Что она ушла. Что она исчезла. Что она оставила его одного в этом мире. Он стоял и смотрел на луну, и чувствовал, как его сердце разрывается от боли. Она была его лунной. Его светом в темноте. И теперь её нет.

Он пошёл к дому Анны. Дорога казалась бесконечной. Каждый шаг отдавался болью в груди. Он чувствовал, как слёзы снова подступают к глазам, но он не позволял им течь. Он должен быть сильным. Он обещал ей. Он должен жить дальше. Он должен сохранить её память.

Когда он вошёл в дом, было тихо. Анна сидела в гостиной в том же кресле, где он видел её утром. Она не спала. Она смотрела на него, и в её глазах была надежда. И страх. Она ждала его. Она ждала новостей.

— Ты вернулся, — сказала она тихо. Её голос дрожал.

Марк кивнул. Он не мог говорить. Слова застревали в горле. Он смотрел на неё и чувствовал, как его сердце сжимается.

— Она... — начала Анна, и её голос прервался. — Она ушла?

— Она ушла, — сказал он. — Зеркало разбито. Джейкоб исчез. Она свободна. Она освободилась от проклятия.

Анна закрыла глаза. По её щекам потекли слёзы. Она плакала беззвучно, как будто боялась, что кто-то услышит её.

— Она сказала что-нибудь? — спросила она. — Перед тем, как уйти? Она сказала что-нибудь мне?

— Она сказала: «Солнце встретит луну. Всегда», — ответил Марк. — Что это значит? Она говорила это и раньше. В библиотеке. Но я не понимаю до конца. Я не понимаю, что она хотела сказать.

Анна улыбнулась сквозь слёзы. Она смотрела на него с теплотой, которая согревала даже в этой холодной ночи. Она смотрела на него, как на сына.

— Она всегда так говорила, — сказала Анна. — С самого детства. Когда она была маленькой, она смотрела на закат и говорила: «Мама, смотри, солнце встречается луну». Я не понимала, что это значит. Думала, просто детская фантазия. Но потом, когда она выросла, она нарисовала это. Картину. Солнце и луну, встречающиеся на горизонте. Она повесила её у себя в комнате. Ты видел её?

Марк покачал головой. Он не видел картины. Он не знал о ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.